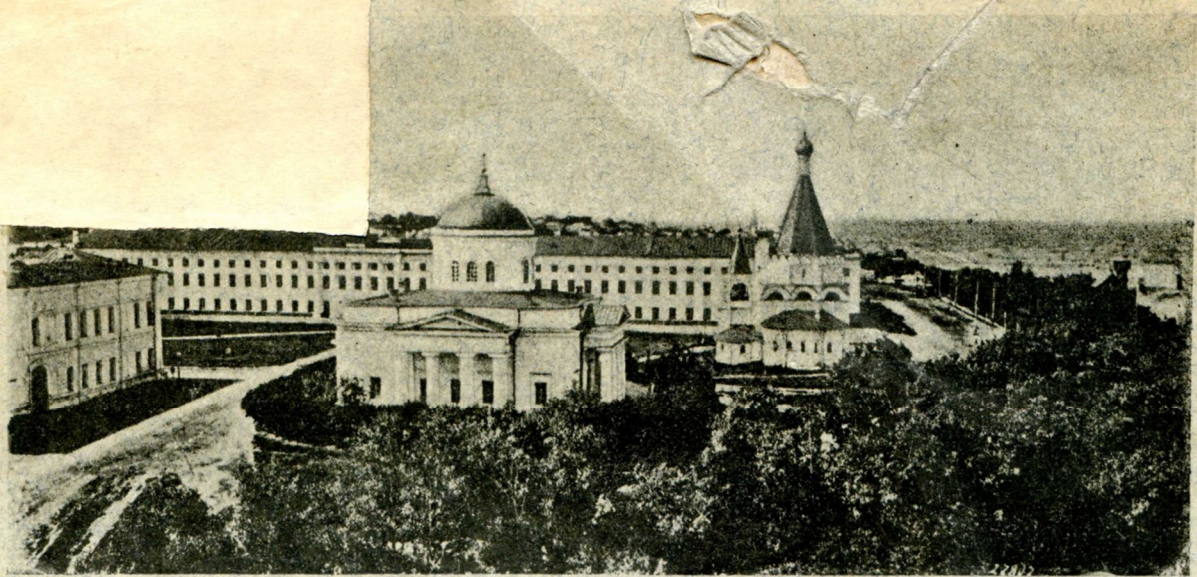

2-й.

Аракчеевскій кадетскій корпусъ

„КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Нижегородскаго Графа Аракчеева

КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Содержаніе.

Отъ редакціи	43
Замѣтка о 1-мъ № „Кадетская Мысль“ Редакторъ	45
I. На свободу. Разсказъ. В. Р.	47
Звуки несутся. Стихотвореніе. В. А. М.	51
Поездка въ с. Курцево. Элька. (Окончаніе)	52
Не судьба. Разсказъ. К—въ	58
Посмотри! Что за мгла насъ окутала. Стихотвореніе. М.	63
Три картинки. Очеркъ. Эръ	64
Крокодиловыя фермы. Съ французскаго. М. С.	67
Среди житейскихъ волнъ. Стихотвореніе. Эмъ	72
II. Борьба съ туберкулезомъ. Съ французскаго. Эльпе	75
„Поединокъ“. Куприна, Критическая замѣтка. Л. Кравковъ	79
Обзоръ журналовъ „Кадетъ. Досугъ“ и „Кадетъ“. В. Ранвидъ	83
III. Хроника корпусной жизни	89

1907.

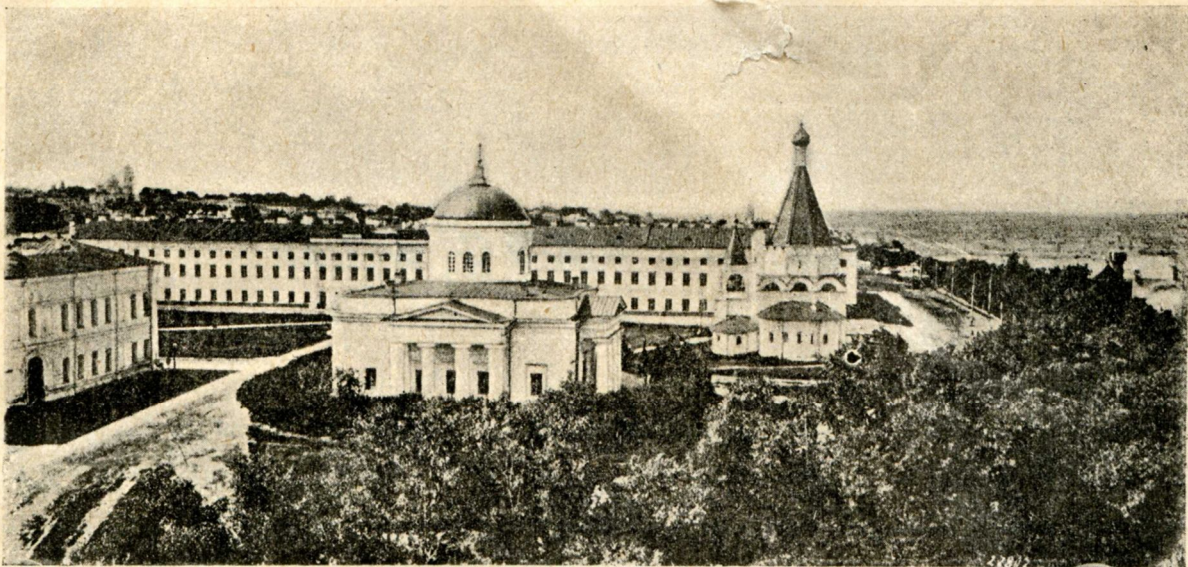
Нижній-Новгородъ.

Д.с.р. 176(3)

НА ПРАВАХЪ РУКОПИСИ.

~~2.9~~

Аракчеевскій кадетскій корпусъ

„КАДЕТСКАЯ МЫСЛЬ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Нижегородскаго Графа Аракчеева

КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Содержаніе.

Отъ редакціи	43
Замѣтка о 1-мъ № „Кадетская Мысль“ Редакторъ	45
I. На свободу. Разказъ. В. Р.	47
Звуки несутся. Стихотвореніе. В. А. М.	51
Поѣздка въ с. Курцево. Элька. (Окончаніе)	52
Не судьба. Разказъ. К—въ	58
Посмотри! Что за мгла насъ окутала. Стихотвореніе. М.	63
Три картинки. Очеркъ. Эръ	64
Крокодиловыя фермы. Съ французскаго. М. С.	67
Среди житейскихъ волнъ. Стихотвореніе. Эмъ	72
II. Борьба съ туберкулезомъ. Съ французскаго. Эльпе	75
„Поединокъ“. Куприна, Критическая замѣтка. Л. Кравковъ	79
Обзоръ журналовъ „Кадетъ. Досугъ“ и „Кадетъ“. В. Ранвидъ	83
III. Хроника корпусной жизни	89

Нижегород. Государствен.
КРАЕВАЯПубличная Библиотека
имени ЛЕНИНАОтдел
мѣстнаго края

Инв. №

1907.

Нижній-Новгородъ.

1901

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several lines and appears to be a formal document or letter.

ВЫПОЛНЕНО ПО ЗАКАЗУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отъ редакціи.

При нашемъ корпусѣ, какъ извѣстно, состоитъ „Нижегородскій отдѣлъ Общества вспомошествованія нуждающимся Аракчеевцамъ“, средства котораго очень скудны, а лицъ, обращающихся къ нему вслѣдствіе своей крайней нищеты за денежною помощію, весьма много, такъ что у Отдѣла часто не хватаетъ средствъ удовлетворять всѣ просьбы.

Съ цѣлью оказать посильную помощь этому Отдѣлу, съ разрѣшенія директора корпуса, за журналъ „Кадетская Мысль“ устанавливается плата, въ размѣрѣ 20 коп. за каждый № съ тѣмъ, чтобы эти деньги полностью поступали на усиленіе средствъ вышеуказаннаго отдѣла Общества.

Въ виду этого редакція считаетъ необходимымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ №№ журнала „Кадетская Мысль“ будутъ поступать въ распоряженіе секретаря „Нижегородскаго отдѣла Общества вспомошествованія нуждающимся Аракчеевцамъ“, къ которому и надлежитъ всѣмъ лицамъ обращаться съ своими заявленіями о желаніи получить журналъ, внося или присылая (можно почтовыми марками) ему же и деньги, слѣдуемая за №№ журнала.

Отъ платы освобождаются тѣ кадетскіе корпуса, которые, имѣя свой журналъ или сборникъ, будутъ присылать въ обмѣнъ свои изданія, что весьма желательно.

Журналъ „Кадетская Мысль“ имѣютъ право приобрѣтать кадеты всѣхъ корпусовъ и юнкера военныхъ училищъ, а также и бывшіе Аракчеевцы, даже не состоящіе на военной службѣ.

Замѣтка о 1-мъ № журнала

„Кадетская Мысль“.

Выходъ 1-го № «Кадетской Мысли» произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ кадетъ нашей старшей роты. На журналъ посыпался градъ критическихъ замѣчаній, относившихся, главнымъ образомъ, къ разсказамъ «Медальонъ», «Поѣздка въ с. Курцево» и къ отдѣлу «Хроника». Первый признавали слабымъ, указывая на его безъидейность, недостатки второго видѣли въ отсутствіи картинности и въ сухомъ перечисленіи фактовъ и, наконецъ, въ хроникѣ видѣли только фактическую неправильность. Что касается «Медальона», то, по моему мнѣнію, хотя онъ и не содержитъ какойнибудь особенной идеи, такъ какъ его авторъ преслѣдовалъ другую цѣль—воспроизвести интимную картинку изъ кадетской жизни, однако же въ немъ находятся и нѣкоторыя положительныя стороны. «Медальонъ» имѣетъ въ своемъ изложеніи нѣсколько хорошихъ мѣстечекъ, довольно ярко изображающихъ окружающую природу и «жизнь кадетъ внѣ корпуса» такъ что хотя и является слабымъ произведеніемъ, но все же не заслуживаетъ той беспощадной критики, которая на него обрушилась. Очеркъ «Поѣздка въ с. Курцево», также, конечно, имѣетъ свои слабыя стороны. Въ немъ много сухихъ фактовъ и мало картинности, которая играетъ большую роль во всякомъ эпическомъ произведеніи; «нѣтъ картинности»—вотъ въ чемъ главное обвиненіе.— Однако, критикуя не нужно забывать, что авторъ этого произведенія—кадетъ пятаго класса, отъ котораго, конечно, нельзя требовать какой-нибудь выдержанной поэтической картины и который кромѣ того совершенно не претендовалъ на красоту изложенія, а только желалъ дать наглядное представленіе о времяпрепровожденіи кадетъ въ одну изъ ихъ экскурсій.

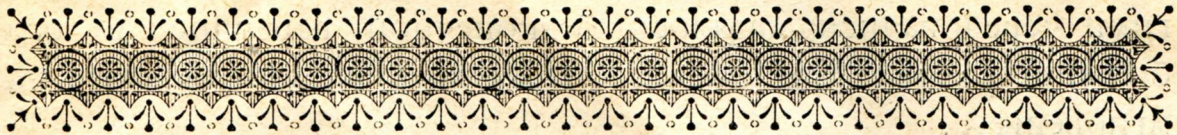
Что же касается до фактической неправильности хроники, то это, по моему, настолько мелочно и незначительно, что по-

ложительно не заслуживаетъ никакого вниманія. Для примѣра я укажу на одну изъ неправильностей, которую находятъ въ хроникѣ: тамъ сказано, что начальствомъ корпуса устраиваются въ нѣкоторые дни на кадетскомъ каткѣ катанія на конькахъ съ музыкой; въ дѣйствительности же это было не нѣсколько, разъ, а одинъ, по причинамъ, независящимъ отъ какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ. И вотъ на журналъ посыпались замѣчанія, относительно того, какъ могла редакція извратить факты и вмѣсто «одного» написать «нѣсколько». Неправда ли громадная серьезная ошибка, достойная громкихъ замѣчаній?! Говоря все это, я, конечно, не имѣю цѣлью опровергать всѣ обвиненія, возводимыя на 1-й № журнала. Я вполне признаю его недостатки, о чемъ говорилъ и раньше, но только въ то же время прошу принять во вниманіе и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ выпущенъ; это гг. критики совершенно упустили изъ виду. Они не приняли во вниманіе, что это былъ 1-й №, первая наша попытка, отъ которой естественно нельзя было требовать многого; кромѣ того этотъ номеръ созданъ трудами только трехъ кадетъ, при полной индефферентности остальныхъ. Эти три человѣка, конечно, не въ состояніи были работать совершенно равномерно, почему вполне понятно, что у одного и того же лица встрѣчались и сильныя и слабыя произведенія.

Теперь же, ко времени выхода второго номера, редакціи удалось привлечь къ сотрудничеству еще нѣсколько человѣкъ, вслѣдствіе чего она надѣется, что содержаніе журнала *въ дальнѣйшемъ* будетъ разнообразнѣе. Кромѣ того редакція получила возможность послѣ выхода перваго номера исправить нѣкоторые свои недостатки и промахи, незамѣченные ею раньше, что, конечно, также благопріятно должно отозваться на послѣдующихъ номерахъ журнала.

Редакторъ.

На свободу.

Очеркъ.

Ночь. Та свѣтлая ясная лѣтняя ночь, когда надъ спящимъ міромъ виснетъ темный сводъ неба, когда волшебныя звѣзды, какъ бы застынувъ на немъ, изрѣдка шаловливо быстро падаютъ на окутанную сномъ землю, оставляя за собою яркую полосу свѣта, когда луна тихо плыветъ по небосклону, то закрываясь небольшимъ облачкомъ, какъ бы увиля что-то нехорошее, то вновь появляясь еще болѣе ясная и чарующая, когда все спитъ кругомъ, утомленное дневной работой, или счастливое, лежа на мягкой кровати, уносится грезами въ туманную манящую неиспытанную еще бездну страсти, когда бодрствуетъ только одинъ часовой у тюрьмы, все же остальное покоится и не чувствуетъ, что гдѣ то есть отверженные, гонимые, несчастные... Она незамѣтно спустилась на землю, и томный, страстный полумракъ ея наполнилъ уютную комнату Эспера, а черезъ раскрытыя окна нѣжный аромат левкоя проникъ внутрь и незримыми волнами носился въ воздухѣ. Эсперь только что вернулся съ берега моря и, бросивъ небрежно кадетскую фуражку на столъ, лежалъ у окна на мягкой кушеткѣ, запрокинувъ выхоленныя бѣлыя руки за голову; его большіе черные съ длинными рѣсницами глаза смотрѣли куда то въ пространство, а пышные густые волосы въ безпорядкѣ раскинулись по вышитой затѣйливымъ узоромъ подушкѣ. По блѣдному, обтянутому нѣжной, какъ у барышни, кожей лицу, съ небольшими усиками, пробѣгала изрѣдка едва уловимая нервная дрожь. Юноша лежалъ неподвижно и не хотѣлъ ни о чемъ думать, а мысли, какъ на зло, однѣ за дру-

гими чередовались, казалось, безконечной вереницей въ его больной головѣ. Хотѣлось забыться хоть на минуту, хоть на мгновеніе...

— «Бумъ... бумъ!..» хрипло и тягуче пробили старинные стѣнные часы, нарушивъ томящую тишину комнаты. Эсперь привсталъ, облокотившись на локоть.

— «Два часа!» прошепталъ онъ: «черезъ часъ, полтора начнетъ свѣтать, а тамъ наступитъ яркій день, а вмѣстѣ съ нимъ проснется жизнь и могучій мутный потокъ ея поглотитъ все живущее... Боже! Неужели ты создалъ человѣка для того, чтобъ любоваться его пошлыми страстями, мишурнымъ счастьемъ, ложью и развратомъ?.. да?..»

Но ему никто не отвѣтилъ, и юноша опять безсильно опустился на подушку.

Въ окно подулъ вѣтерокъ и слышался шопотъ листьевъ, заснувшихъ въ тишинѣ парка, деревьевъ. Чудилось, что тихій, едва уловимый чей-то голосъ говорилъ:

— «Скорѣй на свободу!—ты еще можешь!..» Эсперь вздрогнулъ.

Въ густомъ, скорѣе похожемъ на лѣсъ, паркѣ раздался хохотъ совы; затѣмъ смолкъ, а эхо гдѣ-то тамъ, далеко еще долго смѣялось... Вѣтерокъ усиливался и, какъ предвѣстникъ скорого разсвѣта, пробуждалъ къ жизни уснувшую природу, убаюканную волшебной сказкой ночи. Юноша продолжалъ лежать неподвижно, закрывъ глаза; голова его кружилась и мимо глазъ медленно-медленно проходили разноцвѣтные круги, чередуясь со мглою.

Онъ засыпалъ...

Море бушевало. Огромныя волны, нагоняя другъ друга, пѣнясь и шумя, ударялись о скалистый берегъ и съ грохотомъ и ревомъ недовольныя и раздраженныя отражались и убѣгали далеко—далеко въ темную, какъ могила, мрачную безконечность. Угрюмый скалистый утесъ, покрытый кое-гдѣ пожелтѣвшимъ мхомъ, дрожалъ, какъ бы боясь, чтобъ грозное море не поглотило и не разорвало его обнаженной груди.

Темнѣло.

А море все еще бушевало, все еще раздавалось его бѣшенное рокотаніе, какъ бы пугая и предостерегая отъ чего-то страшнаго, болѣе невозвратимаго, ужасающаго.

— «Эсперь! знаешь-ли ты, что ты— презрѣнный рабъ условныхъ рамокъ жизни?» прошепталъ кто-то внутри, задумчиво сидящаго на скамейкѣ утеса, юноши.

— «Да, ты рабъ! ты рабъ!..» казалось, повторялъ и вой бушующаго моря, то протяжный душу надрывающій, то переходящій въ отчаянныя, полныя муки рыданія и въ полныя безысходной грусти и тоски всхлипыванія. Юноша поднялся со скамьи и умоляюще смотрѣлъ въ бездну моря; порывистый вѣтеръ рвалъ накинутую шинель, волосы растрепались и лицо юноши казалось такимъ же блѣднымъ, какъ и пѣна волнъ, только большіе черные глаза продолжали умоляюще смотрѣть въ стонущую пучину, какъ бы говоря:

— «Я рабъ? почему?!»

— «Да, ты—рабъ, потому что живешь, какъ и всѣ;» продолжали бушующія волны: «ты рабъ! У тебя нѣтъ силы воли порвать тѣ желѣзныя путы, которыми скована твоя душа! Мы знаемъ, что тебѣ тяжело въ мірѣ людей-эгоистовъ, упоенныхъ фальшивымъ счастьемъ:—богатствомъ, тѣлеснымъ наслажденіемъ, поддѣльной красотой,—всею этою мишурой и блескомъ жизни! Такъ рвись же на свободу! Пусть все чистое, что еще осталось у тебя, не заростетъ плевелами опошленной жизни!!»

Такъ говорили рыдающія волны юношѣ, а онъ смотрѣлъ на ихъ пѣнистые языки, лизавшіе утесъ и старавшіеся добраться до его ногъ и обжечь ихъ поцѣлуемъ моря.

— «Рабъ!» уже кричало море, видя, что юноша колеблется,—«отвѣчай! поднимешь ли ты надъ собою флагъ свободы? Если боишься, то лучше бросайся ко мнѣ; я задушю тебя въ своихъ объятіяхъ; я дамъ тебѣ всѣ наслажденія рая; я покажу тебѣ всѣ свои богатства; я разорву всѣ цѣпи, сковавшія твою душу и научу тебя любить себя, свободу!»

— «Довольно!.. довольно!.. Оставь меня!» шепталъ юноша, освобождаясь отъ невидимыхъ объятій грозной стихіи.—«Я ухожу отсюда,—мнѣ страшно!»

— «Куда? опять туда же, гдѣ ты не можешь быть свободнымъ? Зачѣмъ? останься здѣсь въ моемъ могучемъ царствѣ, куда никто не заглядываетъ изъ рабовъ, гдѣ только я одно и все, что во мнѣ, свободно!»

— «Нѣтъ!.. нѣтъ!.. я не могу быть теперь такимъ, море, какъ ты!—Пусть когда нибудь послѣ, потому что я чувствую, что если отдамся во власть твоихъ поцѣлуевъ и объятій,—то погибну также, какъ гибли другіе, обольщенные твоею стихіей, твоимъ страстнымъ шопотомъ волнъ»!

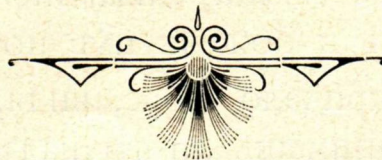
— «Если такъ, тогда прощай, презрѣнный, безвольный, жалкій рабъ»!..

И волны отхлынули отъ утеса и, убѣжавъ далеко-далеко, тихо заплакали. И долго еще раздавалось ихъ подавленное рыданіе, глухо отзывавшееся эхомъ въ надтреснутомъ сердцѣ юноши, а онъ, понутивъ голову, стоялъ одинъ надъ темной пучиной, и только волны, изрѣдка ударяясь объ утесъ, назойливо и монотонно повторяли: «Стремись на свободу, ты еще можешь!..»

Нервная судорога пробѣжала по лицу Эспера и, вздрогнувъ, онъ очнулся. Въ окна его комнаты уже смотрѣлъ слабый разсвѣтъ и прохладный вѣтерокъ нѣжно игралъ локонами его волосъ.

VI кл.

В. Р.

1.

Звуки несутся,
 Волною кипятъ,
 Вихремъ летятъ,
 Стонутъ и рвутся.
 Звуки стихаютъ,
 Въ даль ублажатъ,
 Тихо чуть слышно,
 Гдѣ-то рыдаютъ.

2.

Струны грохочутъ,
 Звенятъ и клокоцуютъ,
 Бурную пѣсню
 Поютъ они мнѣ.
 Струны смолкаютъ,
 Звуки стихаютъ
 И замираютъ
 Тамъ... въ вышинѣ.

*
* *

VI кл.

* * *

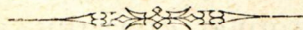
3.

Бѣдное сердце
 Устало, изныло,
 Стонетъ отъ пѣсни
 Этой мочучей,
 Плачетъ отъ пѣсни
 Тихой тоскливой...
 Мысли несутся
 Черною тучей.

4.

Стихните, смолкните
 Струны проклятыя!
 Будетъ мнѣ сердце
 Воплемъ терзатъ!
 Прочь отлетите
 Мысли крылатыя,
 Будетъ мнѣ душу
 Тоской надрывать!

В. Непонятый.

Поѣздка въ село Курцево.

(Изъ экскурсионныхъ воспоминаній).

(Окончаніе).

На другой день, 29-го іюля, нѣкоторые кадеты отправились за рѣку въ лѣсъ за малиной, которая, по словамъ крестьянъ, росла тамъ въ изобиліи. Дѣйствительно, поиски ихъ увѣнчались успѣхомъ; они набрали до 13 фун. малины, такъ что она была подана къ обѣду, въ видѣ 3-го блюда

Послѣ обѣда я съ однимъ кадетомъ, соблазненные принесенной товарищами малиной, пошли за малиной туда же, но, хотя мы проходили и около 3-хъ часовъ, однако собрали весьма немного. Вернувшись, мы задумали изъ принесенной нами малины варить варенье: достали сахару, тазъ и все необходимое для варенья; варенье у насъ не вышло какъ слѣдуетъ, а получилось нѣчто въ родѣ киселя; несмотря на это, его всѣ ѣли и были довольны. Вечеромъ всѣ разошлись въ разныя стороны, и никакой прогулки не предпринималось. Слѣдующіе дни прошли въ прогулкахъ по окрестностямъ и особыхъ развлеченій не было.

Вечеромъ 31-го іюля была предпринята ловля рыбы бреднемъ въ одномъ небольшомъ озерцѣ, недалеко отъ села. Ловля была веселая, но недобычливая; кромѣ небольшого количества щукъ и щурятъ, изъ которыхъ одна щука достигла до 3 фун., мы ничего не пѣймали.

Въ воскресенье, 1 августа утромъ мы привели въ порядокъ нашу одежду и, не пивъ чая, отправились къ обѣднѣ. Курцевская церковь съ внѣшней стороны еще производитъ довольно благопріятное впечатлѣніе, но внутри весьма непривлекательна: чрезвычайно мала, бѣдна и отличается плохою живописью на иконахъ. Что же касается хора пѣвчихъ, то онъ, по моему мнѣнію, выдерживаетъ нѣкоторую критику и, сравнительно съ другими деревенскими хорами, которые мнѣ приходилось слышать, былъ очень хорошъ: пѣніе было весьма стройное.

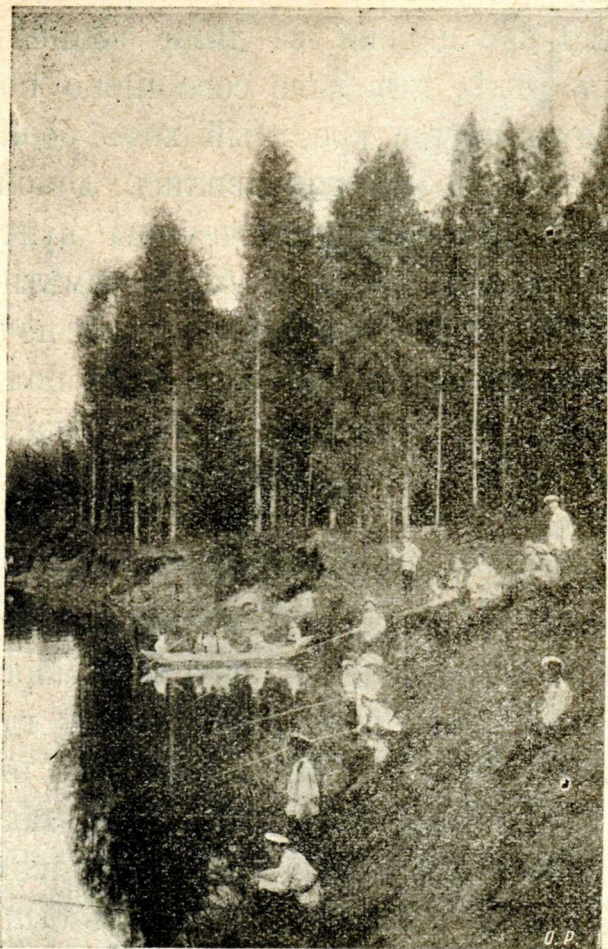
Послѣ обѣдни всѣ крестьяне, разодртые въ самые разнообразныя пестрыя костюмы, вышли изъ церкви, за ними вышелъ крестный ходъ и направился къ рѣкѣ, гдѣ было совершено положенное въ этотъ день водосвятіе; оттуда крестный ходъ, обойдя все село, возвратился въ церковь, а мы направились домой, гдѣ насъ ждалъ чай съ горячай, только что испеченною кулебякою. Вслѣдствіе праздника, на улицѣ повсюду было замѣтно праздничное оживленіе; появились крестьяне, которыхъ раньше почти не было видно, такъ какъ они все время находились въ полѣ за работами; теперь они разсѣлись на лавочкахъ и крылечкахъ своихъ избъ, щелкали сѣмячки, смѣялись, болтали между собой и вообще вели себя по праздничному.

Въ этотъ день, послѣ обѣда мы отправились въ д. Букино, гдѣ жившій тамъ нашъ корпусный о. діаконъ Д. угощалъ насъ мороженымъ; всѣ мы получили по кружкѣ очень вкуснаго мороженаго. Пробывъ часа 2 въ Букинѣ, мы вернулись домой, гдѣ полковникъ Г. объявилъ намъ, что на слѣдующій день мы отправляемся обратно въ Нижній. Мы были этимъ огорчены, такъ какъ всѣмъ намъ здѣсь понравилось. Мы стали просить полковника отсрочить нашъ отъѣздъ, и онъ согласился; отъѣздъ былъ отсроченъ до 4-го августа, и сейчасъ же была предпринята прогулка въ д. Серково, за 2 версты отъ Курцева, гдѣ многіе крестьяне занимались гончарнымъ производствомъ: лѣпили горшки, корчаги, крынки для молока и проч.

Придя туда, мы попросили показать намъ, какъ производится работа, и одинъ крестьянинъ, несмотря на праздникъ, согласился и пригласилъ насъ въ помещеніе, гдѣ производится работа. Войдя туда, мы увидѣли кругомъ по стѣнамъ множество полокъ, на которыхъ были уставлены предметы производства: горшки, корчаги и другая глиняная посуда.

Въ серединѣ помещенія, на землѣ было придѣлано особое вертящееся колесо, которое пришедшій работникъ нашего крестьянина сталъ приводить одной рукой въ движеніе, а другою въ это время вылѣплять изъ глины различныя формы, причемъ по нашей просьбѣ сдѣлалъ при насъ двѣ крынки для молока. Вся работа производилась имъ такъ скоро, красиво и гладко, что оставалось только удивляться его искусству.

Изъ Серкова мы вернулись часовъ въ 5 вечера и, не полдничавъ, пошли на «Яшину порубку», гдѣ сначала всѣ ловили

Ужење рыбы у Яшиной порубки.

оказались вкусными, но только очень разварились, такъ что представляли изъ себя кашу, въ которой было отдѣльно мясо и разварившееся тѣсто. Пикникъ нашъ прошелъ весьма оживленно и закончился сжиганіемъ фейерверка, изготовленнаго о. діаконъ. Возвращаясь съ Яшиной порубки, мы много пѣли, а придя домой, долго еще гуляли и наслаждались теплою лунною ночью.

На другой день къ намъ зашелъ изъ Букина подполковникъ С. и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ на ловлю рыбы въ мельничномъ омутѣ. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и мы въ 3 часа отправились съ нимъ въ Букино.

Придя въ Букино и захвативъ всѣ рыболовныя принадлежности, пошли на мельничный омутъ, гдѣ стояла лодка, съ которой подполковникъ всегда ловилъ рыбу. Устроивъ и уложивъ все на лодку, мы отплыли къ длинному шесту, воткнутому въ дно близъ середины омута, и, привязавшись къ нему, начали

удочками рыбу, а затѣмъ ѣли сваренные тутъ же въ лѣсу пельмени. Когда настала пора варить пельмени, мы начали таскать изъ лѣса хворостъ и скоро развели большой костеръ. Вскорѣ послѣ насъ сюда же пришли изъ Букина всѣ наши корпусные служащіе съ ихъ семьями, и прогулка наша для ловли рыбы приняла видъ пикника.

Пока варились пельмени о. діаконъ сфотографировалъ съ насъ группу (рис. на стр. 55). Когда пельмени были готовы, ихъ положили намъ въ двѣ большія деревянные чашки, около которыхъ на землѣ мы и расположились, подославъ подъ себя бурки. Пельмени

Кадеты—экскурсанты и Букинскіе дачники на Ящиной порубкѣ.

ловить. Мы ловили удочками безъ наплавовъ и только слѣдили за тонкими концами удилицъ, которыя нагибались при малѣйшемъ клѣвѣ.

Сначала, кромѣ маленькихъ ершей, ничего не было, но вскорѣ у меня сильно клюнуло, и я вытащилъ леща съ полфунта вѣсомъ. Часа черезъ два мнѣ удалось поймать еще одного, немного меньше прежняго. Больше мы ничего не поймали и окончили ловлю, когда зашло уже солнце и начало смеркаться.

Подполковникъ С. оставилъ меня ночевать у себя, чтобы рано утромъ отправиться ловить рыбу опять туда же, въ омутъ.

Напившись чаю и погулявъ по деревнѣ, мы пошли спать въ амбаръ, густо заваленный сѣномъ. На сѣнѣ въ амбарѣ было очень мягко и удобно, и мы скоро заснули, рѣшивъ встать до восхода солнца. Когда я проснулся, было еще темно. Я разбудилъ подполковника, и мы вышли на воздухъ. Была еще ночь: луна ярко свѣтила, небо было усѣяно миллиардами звѣздъ, шель 3-й часъ утра. Мы не спѣша начали собираться и, когда всѣ сборы были окончены, направились къ омуту. Надъ рѣкой и окрестностями стоялъ сильный туманъ, такъ что съ горы, на которой было расположено Букино, казалось, будто какая-то гигантская рѣка разлилась ночью и покрыла собой и мельницу, и лѣсъ, и все окружающее. Мы подошли къ лодкѣ, положили въ нее всѣ принадлежности и тихо-тихо поплыли на вчерашнее мѣсто, къ шесту. Прошло съ полчаса, клѣва не было. Вдругъ удилице

подполковника согнулся, онъ быстро подскъкъ и осторожно повелъ къ лодкѣ, казалось, крупную рыбу; на поверхности пока- зался соменокъ больше фюнта въсомъ, который неожиданно бро- сился въ сторону и сорвался съ крючка. Подполковникъ спо- койно вытаспиль уличку, перемѣнилъ червя и снова закинулъ. Прошло минутъ 15, вновь ударъ по удилщю и неудача снова повторилась; на этотъ разъ сорвалась еще болѣе крупная рыба, въротно тоже соменокъ, такъ какъ они любятъ брать именно въ это время, до восхода солнца.

Послѣ этой неудачи прошло часа полтора, у меня не бра- ло. Скоро должно было взойти солнце, заря ярко разгоралась, вътеръ быстро разсѣивалъ туманъ и гналъ его на западъ. Си- дѣть въ лодкѣ было очень холодно, несмотря на то, что кромѣ рубашки, на мнѣ была туजूрка подполковника. Чтобы согрѣться, мы отвязались отъ шеста и подѣхали къ берегу, развели ко- стеръ и обогрѣлись, а затѣмъ снова вернулись къ шесту и про- должали ловлю. Около 8 ч. утра подполковнику удалось пой- мать хорошаго леща, около фюнта въсомъ, но и его, когда мы уже подплыли къ берегу, закончивъ ловлю, а нечаянно упустилъ изъ садка. Вернувшись послѣ такой неудачной ловли домой, мы напились чаю и пошли въ амбаръ спать, гдѣ и проспали до 12 час. дня. Затѣмъ в просигая съ подполковникомъ и поспѣ- шилъ въ Курцево, чтобы поскорѣе подѣлится съ товарищами своими впечатлѣнннми о рыбной ловлѣ.

Этотъ послѣдннй день мы ннкуда не ходили, и только къ вечеру отправились въ послѣдннй разъ полюбоваться на «Вншннху порубку», гдѣ купались, а нѣкоторые ловили рыбу.

Съ утра 4-го августа мы начали готовиться къ отъезду и къ 11 час. дня окончили всѣ наши сборы. Идти пѣшкомъ до Лороупа намъ не пришлось: вслѣдствне сильной жары для насъ наняты были двѣ телеги, въ которыхъ мы набросали вороха сѣ- на, покрыли подстилками и устроились на нихъ очень удобно. Не- чего подробно говорить о нашемъ путешествнн до Лороупа; достаточ- но сказать, что при движеннн въ этомъ первобытномъ экипажѣ, мы чувствовали себя, какъ на кораблѣ во время сильной качки и «то взлетали, то ныряли» по рытвинамъ и ухабамъ. Къ 3 ча- самъ дня мы были уже на пароходной пристани и намъ приш- лось очень долго ждать прихода сверху парохода. Въ ожиданнн

подполковника согнулось, онъ быстро подсѣкъ и осторожно повелъ къ лодкѣ, казалось, крупную рыбу; на поверхности показался соменокъ больше фунта вѣсомъ, который неожиданно бросился въ сторону и сорвался съ крючка. Подполковникъ спокойно вытащилъ удочку, перемѣнилъ червя и снова закинулъ. Прошло минутъ 15, вновь ударъ по удилицу и неудача снова повторилась; на этотъ разъ сорвалась еще болѣе крупная рыба, вѣроятно тоже соменокъ, такъ какъ они любятъ брать именно въ это время, до восхода солнца.

Послѣ этой неудачи прошло часа полтора, у меня не было. Скоро должно было взойти солнце, заря ярко разгоралась, вѣтеръ быстро разсѣивалъ туманъ и гналъ его на западъ. Сидѣть въ лодкѣ было очень холодно, несмотря на то, что кромѣ рубашки, на мнѣ была тужурка подполковника. Чтобы согрѣться, мы отвязались отъ шеста и подѣхали къ берегу, развели костеръ и обогрѣлись, а затѣмъ снова вернулись къ шесту и продолжали ловлю. Около 8 ч. утра подполковнику удалось поймать хорошаго леща, около фунта вѣсомъ, но и его, когда мы уже подплыли къ берегу, закончивъ ловлю, я нечаянно упустилъ изъ садка. Вернувшись послѣ такой неудачной ловли домой, мы напились чаю и пошли въ амбаръ спать, гдѣ и проспали до 12 час. дня. Затѣмъ я простился съ подполковникомъ и поспѣшилъ въ Курцево, чтобы поскорѣе подѣлиться съ товарищами своими впечатлѣніями о рыбной ловлѣ.

Этотъ послѣдній день мы никуда не ходили, и только къ вечеру отправились въ послѣдній разъ полюбоваться на «Яшину порубку», гдѣ купались, а нѣкоторые ловили рыбу.

Съ утра 4-го августа мы начали готовиться къ отъѣзду и къ 11 час. дня окончили всѣ наши сборы. Идти пѣшкомъ до Городца намъ не пришлось: вслѣдствіе сильной жары для насъ наняты были двѣ телѣги, въ которыя мы набросали вороха сѣна, покрыли подстилками и устроились на нихъ очень удобно. Нечего подробно говорить о нашемъ путешествіи до Городца; достаточно сказать, что при движеніи въ этомъ первобытномъ экипажѣ, мы чувствовали себя, какъ на кораблѣ во время сильной качки и «то взлетали, то ныряли» по рытвинамъ и ухабамъ. Къ 3 часамъ дня мы были уже на пароходной пристани и намъ пришлось очень долго ждать прихода сверху парохода. Въ ожиданіи

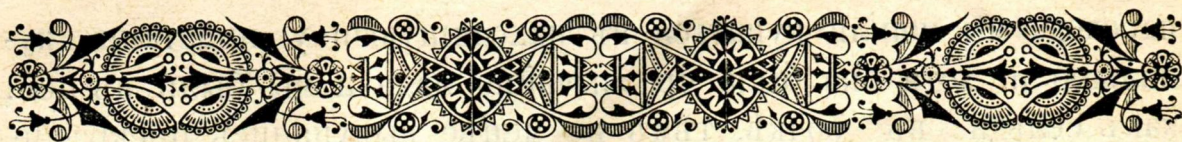
парохода мы пошли купаться въ находящуюся у пристани купальню и, хотя она была чрезвычайно мала и мы были въ ней, какъ сельди въ бочкѣ, тѣмъ не менѣе выкупались прекрасно. Въ 6-мъ часу пришелъ пароходъ общества Самолетъ «Князь Мстиславъ Удалой», и мы простились съ Городцомъ. Въ Нижній мы приѣхали около 9 часовъ вечера и на трамваѣ вернулись въ лагерь, гдѣ тотчасъ намъ приготовили ужинъ.

Такъ окончилась наша экскурсія въ с. Курцево, оставивъ въ нашей памяти хорошее воспоминаніе о путешествіи въ прекрасный лѣсной уголокъ, гдѣ мы провели среди природы довольно весело 10 дней лагернаго времени.

V кл.

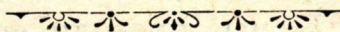
Эльна.

НЕ СУДЬБА.

(Разсказъ).

Вечерня кончилась, и я вышелъ изъ церкви. Вечеръ былъ темный; моросилъ мелкій, частый дождикъ; по небу неслись черныя тучи, изъ-за которыхъ, лишь изрѣдка, показывался тусклый край луны, какъ бы подернутый прозрачною кисею, отбрасывавшій немного свѣта на зданія. Когда я вышелъ на паперть церкви, меня обдало сильнымъ сырымъ вѣтромъ, отъ котораго я невольно пошатнулся и поспѣшилъ сойти. Надѣвъ покрѣпче фуражку и застегнувъ всѣ пуговицы своей шинели, я направился домой; но не успѣлъ я пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ около меня раздался жалобный, мужской голосъ: «Подай-те Хри-и-ста ради!»... Я вздрогнулъ отъ неожиданности и, не обращая вниманія на темную, поравнявшуюся со мной фигуру, пошелъ, прибавивъ шагу и еще болѣе погрузившись въ воротникъ моей шинели. Такъ я шелъ нѣсколько времени, и только изрѣдка, когда вѣтеръ утихалъ, я слышалъ шлепанье позади меня босыхъ ногъ по лужамъ. Поравнявшись съ уличнымъ фонаремъ, я взглянулъ на слѣдовавшую за мной фигуру: это былъ чѣловѣкъ небольшого роста, но такъ какъ онъ ежился отъ холода и старался закрыть свою разорванную на груди рубашку, то показался мнѣ еще меньше; лицо же его однако я не могъ хорошо рассмотреть, потому-что, сознаюсь самъ, не рѣшался къ нему подойти близко; я замѣтилъ лишь его выразительные полные мольбы, большіе глаза, смотрѣвшіе на меня. Все это время онъ что-то говорилъ, но я его не могъ слышать, такъ какъ бушующій вѣтеръ уносилъ каждое его слово куда-то въ пространство, да кромѣ того я и самъ не старался узнать, о чемъ именно онъ говорилъ, потому-что онъ мнѣ все болѣе и болѣе вну-

шалъ страхъ, и мое единственное желаніе было, какъ можно скорѣе избавиться отъ него. Между тѣмъ я самъ не замѣчалъ того, что иду какъ разъ въ противоположную сторону отъ своего дома, къ рѣкѣ, гдѣ находились дома бѣдныхъ жителей города. Вѣтеръ сталъ стихать. Небо очистилось немного отъ тучъ, и вмѣсто холоднаго и сырого вѣтра, подулъ теплый. Отъ скорой ходьбы по лицу моему текли крупныя капли пота; мнѣ сдѣлалось немного жарко; я принужденъ былъ уменьшить шагъ и отвернуть воротникъ шинели. Нищій приблизился ко мнѣ такъ близко, что я могъ ясно слышать каждое его слово и даже чувствовать его дыханіе; отъ нищаго несло водкой, но онъ не былъ пьянъ и шелъ довольно бодро. «Да! баринъ», продолжалъ онъ, «самъ то ты спѣшишь домой испить чайку да лечь спать, а вотъ мнѣ не хочешь дать копейку, чтобы я могъ гдѣ либо укрыть свою голову». Тутъ только я замѣтилъ, что онъ былъ безъ шапки; большая копна густыхъ волосъ замѣняла ему послѣднюю. «А вѣдь и у меня было все, и не надо было просить у прохожихъ... была своя хата, семья; служилъ то я, значить на фабрикѣ, получалъ двадцать рублей въ мѣсяцъ... Первый былъ послѣ надзирателя... было свое хозяйство и дѣтки. Да! дѣтки были: Коля, Вася да Катюша, всѣ славные такіе, ко мнѣ такъ и льнули. Бывало придешь съ фабрики, посадишь одного на одно колѣно, другого на другое, а третье плачетъ: «Меня тятка, меня возьми!» А на столѣ то самоваръ кипитъ, паръ такъ и валитъ. Аринушка-же, моя жена, значить, ужъ на столѣ ситничекъ кладетъ, крынку молока ставитъ, а сама то къ одному подбѣжитъ, по головкѣ погладитъ, то по щечкѣ другого рукой потреплетъ, или сядетъ когда у окна, шьетъ что нибудь: или дѣтямъ или мнѣ рубашку штопаетъ; безъ работы ее и не было видать... и все такъ хорошо было, тепло дома. Да не судьба, знать, мнѣ! Пожили мы такъ нѣсколько еще годковъ, захворалъ скарлатиной Коля, а затѣмъ и Васька черезъ два денька заразился отъ него; ну, значить, доктора ходили, ходили, да ничего не помогло, пятнадцать рублей даромъ выкинули, а Аринушка, мой свѣтъ, цѣлыя ночи сидѣла у кровати, не смыкая глазъ... Однако на третью ночь не сдержалась и заснула, а на утро, глядимъ, лежатъ наши касатики блѣдные, съ открытыми глаз-

ками, даже страшно глядѣть, холодные такіе: Господь прибравъ ихъ,—царство имъ небесное!». Тутъ онъ перекрестился размашистымъ крестомъ. «Ну, похоронили ихъ» продолжалъ онъ «и такъ пусто, тихо стало дома: не слышно ни бѣготни, ни смѣха, даже Аринушка перемѣнилась: не ласкается, все забываетъ, даже разъ обѣдать позабыла дать и все сидитъ у окна да глядитъ въ него, какъ-бы кого поджидаетъ, Катюша-же въ уголь забѣется да оттуда и приговариваетъ: «Васю, Колю хочу! съ ними гулять хочу! что они не идутъ?!» Глупенькая, еще не понимала, что они ушли и не вернутся. «На сердцѣ у меня было такъ тяжело, такъ тяжело, какъ будто чего-то ждалъ дурного; ну, и не ошибся!» Онъ остановился на минуту, вздохнулъ и затѣмъ продолжалъ болѣе тихимъ голосомъ: «Настала зима. Было очень поздно; Катюша уже спала; я лежалъ на палатяхъ, но заснуть не могъ, не смотря на то, что сильно усталъ въ тотъ день на фабрикѣ, Аринушка же сидѣла у окна, опершись руками, и какъ бы прислушивалась, что дѣлается на дворѣ. А тамъ все было тихо, и даже вѣтра не было слышно. . Вдругъ прокрипѣлъ снѣгъ... кто-то прошелъ мимо нашихъ оконъ... Аринушка моя вздрогнула, поспѣшно встала и сейчасъ же обернулась ко мнѣ, но въ комнатѣ было темно и она не могла распознать, сплю я или нѣтъ... «Спать!» прошептала она тихо, и осторожно направилась къ двери, взялась за ея ручку, повернула ко мнѣ голову, чтобы еще разъ убѣдиться, сплю ли я, вернулась къ кроваткѣ, гдѣ спала Катюша, перекрестила ее, и схватившись за голову обѣими руками, прошептала еще тише: «Ну теперь. . я—твоя, Митя!» и вышла на дворъ. А я не спалъ и все слышалъ и видѣлъ; я хотѣлъ подняться и пойти за нею, посмотрѣть куда она пошла, съ какимъ Митькой будетъ гулять, но не могъ и остался лежать на палатяхъ, между тѣмъ какъ сердце мое стучало и разрывалось на части... Наконецъ, она пришла. «Гдѣ была Аринушка?» спросилъ я ее, стараясь быть покойнымъ, а самъ готовъ былъ вскочить и задушить ее.. «Я... я... ходила посмотрѣть... запертъ - ли сарай!» проговорила она, и, бросившись на кровать, залилась слезами. Съ этого времени она еще тише сдѣлалась; бывало сядетъ у окна, а по щекамъ текутъ слезы. И еще тяжелѣе сдѣлалось у

меня на сердцѣ; ну я, значить, съ горя и началъ ходить въ кабакъ. Пропилъ одну корову, пропилъ другую, а Аринушка, когда я взялъ ее тулупъ и отнесъ въ кабакъ даже словечка не обронила. Такъ запивалъ я свое горе: бывало идешь на фабрику, ну, а по дорогѣ, въ кабакъ; а оттуда выйдешь, когда уже стемнѣетъ и пойдешь или на фабрику, или домой. На фабрикѣ надзиратель почнетъ ругать: «Ты, что, Петро, загулялъ, не ходишь? плохой примѣръ подаешь, а еще старшій!..» Тутъ я сталъ рѣже ходить на работу, ну, мнѣ и отказали отъ мѣста. Пришелъ я, значить, домой и говорю женѣ: «Аринушка!.. отказали!.. прогнали!» а она ничего не отвѣтила!.. заплакала. Пошелъ искать я работы; да какая работа! поколешь дрова, и пойдешь въ кабакъ, пропьешь все!»

Въ это время мы вышли на довольно широкую улицу. Погода почти совсѣмъ разъяснилась, на небѣ стали показываться звѣзды, дышать было какъ-то легче, свободнѣе. А нищій продолжалъ: «Все чаще и чаще стала уходить Арина вечеромъ со двора, все чаще плакала. Прихожу это я, какъ-то разъ вечеромъ домой, гляжу, Арины нѣтъ, Катюша плачетъ въ кровати и мать зоветъ. Сильно озлился я тогда на Арину, вышелъ изъ дому и подумалъ: какъ увижу ихъ, такъ и уложу обоихъ разомъ. Вышелъ это я и, не зная зачѣмъ, пошелъ садомъ; смотрю, а тамъ Арина, и съ ней еще кто-то. Не рассмотрѣлъ я хорошо, кто это, темно было; подкрался я, прилегъ на землю и слышу голосъ Арины: «Митя, какъ трудно жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, я страдаю и живу лишь только тѣмъ, что увижу тебя, мой милый, желанный; вѣдь я люблю тебя!» А «Митя», какъ казалось, сидѣлъ съ опущенной головой, точно тяжело дышалъ и почему-то на всѣ ласки, которыми осыпала его Арина, отвѣчалъ однимъ молчаніемъ. Я дальше не могъ лежать, приподнялся, вынулъ ножъ изъ голенища сапога и уже хотѣлъ броситься на нихъ, но услышалъ изъ дому плачь и крикъ Катюши; опустилась моя рука и я... вернулся домой. Я уже не спрашивалъ больше, куда и зачѣмъ Арина ходитъ. Я зналъ, что она любитъ другого.»

Нищій смолкъ. Нѣкоторое время мы шли молча.

— «Брр.. — холодно, баринъ!» нарушилъ молчаніе нищій. И правда: разгулявшаяся было погода, опять начала хмури-

ться, подулъ холодный вѣтеръ, небо опять заволокло тучами; казалось, онѣ готовы были разразиться сильнымъ дождемъ.

— «Кто-же это былъ?» наконецъ, рѣшился спросить я нищаго.

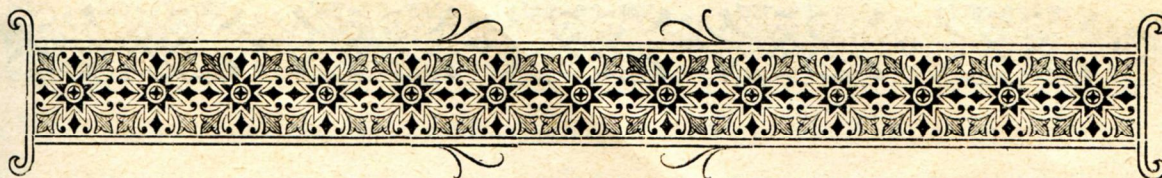
— «Митька-то? Да рабочій съ нашей фабрики! Да, баринъ, тяжело было: время-то все шло, а Арина мнѣ ничего не говорила, себя, значить, не считала виноватой. Ну, думалъ исправится, да нѣтъ,—не захотѣла», продолжалъ нищій. «Пришелъ это разъ я домой,—гляжу, все перерыто: на столѣ лежитъ какой-то узелъ, изъ котораго высовывается рукавъ женской кофты, а Арины и Катюши нѣтъ. Я догадался, что она ушла и съ собою взяла мою Катюшу... Да! и Катюшу взяла... Ушла!..» пробормоталъ нищій почти шопотомъ, «ушла къ тому самому Митькѣ, а я остался одинъ. И съ тѣхъ поръ все пошло прахомъ, и вотъ я сталъ такимъ, какъ видишь сейчасъ, въ лохмотьяхъ, просящимъ на водку... Ну, прощай, баринъ, може я надоѣлъ тебѣ, прощай!» И онъ, повернувъ обратно, пошелъ тихо, шлепая босыми ногами по лужамъ улицы.

Когда я вернулся домой и хотѣлъ уже лечь спать, меня вдругъ начали душить глухія рыданія: образъ нищаго стоялъ передо мной, его надтреснутый голосъ раздавался въ моихъ ушахъ, каждое слово его исповѣди щемило сердце мое, а безпомощный, полный горя его шопоть: «И Катюшу взяла! Мою Катюшу!» билъ по нервамъ моимъ. «Да, не судьба, знать мнѣ» отдавалось эхомъ гдѣ-то около меня... И мнѣ до боли дѣлалось жаль человѣка бѣднаго, одинокаго, измученнаго.

VI кл.

Н-овъ.

*
* * *

Посмотри! Что за мгла насъ окутала вдругъ,
И откуда взялись эти тучи?
Чу! Я слышу какъ будто-бы стоны вокругъ,
Сквозь туманъ окружающей ночи.
Все плотный и плотный, какъ желѣзнымъ кольцомъ,
Окружила насъ темная сила.
Скоро, скоро ужъ грянетъ невѣдомый громъ,
И раздавитъ насъ мгла, какъ могила.
Такъ въ полночную пору, въ лѣсу вѣковомъ,
По листамъ и вѣтвямъ пробѣгая,
Вѣтра буйный порывъ, вдругъ вздохнувъ, зашумитъ,
Тишину и покой нарушая.
Пролетѣлъ ураганъ, и опять тишина,
И опять все темно, какъ въ могилѣ,
Лишь гигантскія сосны, какъ тѣни, стоятъ,
Шевеля свои вѣтви съдыя.

Три картинки жизни.

(Эскизъ).

Оставивъ за собою шумныя улицы города N, я возвращался къ себѣ домой, на окраину. Было уже поздно и темно; воздухъ былъ душенъ и тяжелъ, тишина царила всюду; все указывало на приближеніе грозы. Не желая попасть подъ дождь, я ускорилъ шаги. Проходить пришлось мнѣ по глухой улицѣ, о которой ходили весьма тревожные слухи. Все это еще болѣе заставляло меня спѣшить домой. Вотъ я уже у цѣли.. еще кварталъ, другой, и я—дома, но вдругъ яркій свѣтъ въ одномъ изъ окошекъ небольшого домика привлекъ мое вниманіе. Я приблизился и, прислонившись къ окну, осторожно разглядывалъ, что происходило внутри. Моимъ глазамъ представилась освѣщенная комната, посреди которой стоялъ столъ, покрытый бѣлой вышитой скатертью. На столѣ былъ небольшой блестящій самоваръ, нѣсколько чистенькихъ чашекъ и тарелокъ; двѣ какихъ то женщины суетились около стола, приготавливая и устанавливая приборы и закуски. Я засмотрѣлся какъ-то невольно на эту картину и съ любопытствомъ ожидалъ, чѣмъ все это кончится. Вдругъ меня вывелъ изъ забытья звонъ колокольчика, и къ воротамъ домика, гдѣ я стоялъ подкатило двѣ тройки съ веселыми сѣдоками; я сначала отошелъ было отъ окна, въ которое смотрѣлъ, но затѣмъ, когда все успокоилось, тройки въѣхали въ ворота и на улицѣ никого не осталось, я снова подошелъ къ окну: теперь за столомъ сидѣло много гостей, всѣ смѣялись, пили, тянулись поздравлять молодую женщину, сидѣвшую тутъ-же въ вѣнчальномъ нарядѣ, кричали и веселились. Немного поодаль стоялъ молодой человекъ (очевидно мужъ молодой женщины), осаждаемый со всѣхъ сторонъ друзьями, наперерывъ спѣшившими поздравить его; старушка, пови-

димому, мать, съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ, принимала также оживленное участіе въ этой суетѣ. Все было просто, всѣмъ было весело. Я такъ былъ тронутъ этой радостной сценой, что впалъ въ какое то забытье, и только поднявшійся вѣтеръ заставилъ меня очнуться и продолжать свой путь, но я скоро снова остановился, такъ какъ мнѣ необычайно захотѣлось посмотрѣть, что дѣлается въ одномъ изъ другихъ домиковъ, мимо которыхъ я шелъ. Окна были довольно высоко, но имѣвшійся у домика выступъ помогъ мнѣ добратъся до окна. Моимъ глазамъ представилась совершенно иная картина: небольшая комната, слабо освѣщенная висѣвшюю передъ образомъ голубой ломпадкой, была простенькая и бѣдно убранная. На небольшомъ столѣ стоялъ маленькій бѣлый гробъ, украшенный цвѣтами; около него стояли три высокихъ подсвѣчника съ зажженными въ нихъ свѣчами. Кисея покрывала тѣло покойника, такъ что не было возможности разглядѣть его лицо, однако по цвѣту гроба и его величинѣ я догадался, что покойникъ былъ—ребенокъ. Около гроба сидѣла молодая женщина, положивъ голову на руки и по временамъ судорожно вздрагивая. Въ комнатѣ было пусто и непривѣтливо, всюду былъ беспорядокъ и на всемъ замѣчался отпечатокъ горя; полумракъ, царившій въ комнатѣ, какъ бы еще болѣе оттѣнялъ несчастье и придавалъ всей картинѣ мрачный и грустный характеръ. Все это произвело на меня непріятное впечатлѣніе и, я, постоявъ немного, пошелъ дальше, разстроенный такой картиною. Но вотъ, я снова останавливаюсь и заглядываю въ окно уже третьяго дома. Здѣсь совсѣмъ другое: вмѣсто радости или сильнаго горя, я нахожу нѣчто среднее: опять небольшая комната, но по обстановкѣ совершенно другого характера. Что сразу обратило мое вниманіе, это была маленькая колыбель, въ которой спалъ ребенокъ. Его головка откинулась на бокъ и, онъ лежалъ, разметавшись на бѣленькой простынѣ; личико его раскраснѣлось, повидимому, отъ крѣпкаго здороваго сна, и вся фигурка дышала радостью и довольствомъ. Около колыбели сидѣла женщина, вѣроятно мать, и съ любовью смотрѣла на свое дорогое дитя, по временамъ прижимаясь къ его подушкѣ. Какая милая картина! Сколько здѣсь радости и тихаго семейнаго счастья!

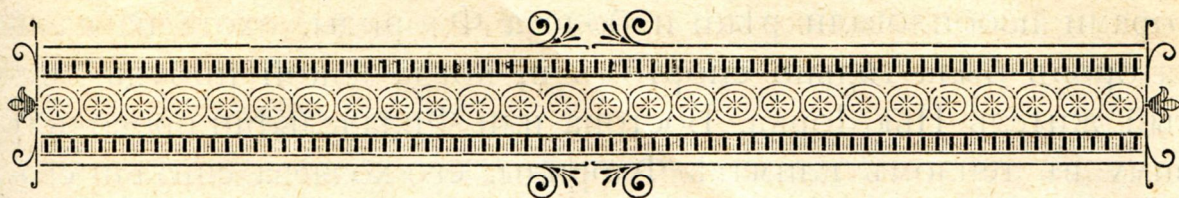
Подъ впечатлѣніемъ всего только что видѣннаго я глубоко задумался надъ тѣмъ, какъ разнообразно протекаетъ жизнь

людей, какъ въ жизни въ одну и ту же минуту далеко не всѣ люди переживаютъ одинаковыя ощущенія, и часто, въ то время, какъ одни наслаждаются счастьемъ, сердца другихъ переполнены печалью и горемъ.

VII кл.

Эръ.

Крокодиловыя фермы.

(Съ французскаго).

Всѣмъ извѣстно, что однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ животныхъ считается крокодилъ; такимъ дѣлаетъ его ужасный запахъ, который выходитъ изъ его пасти при каждомъ дыханіи; но не всѣмъ извѣстно, что свѣтскія дамы по ту сторону океана вмѣсто болонокъ и маленькихъ обезьянокъ въ своихъ садахъ и салонахъ содержатъ маленькихъ аллигаторовъ. *)

Обыкновенно аллигаторовъ покупаютъ, когда имъ 15 или 20 дней и держатъ около года т. е. пока у нихъ не начнутъ рѣзаться зубы; послѣ чего возвращаютъ ихъ продавцамъ, которые или продаютъ ихъ въ музеи и звѣринцы, или же отправляютъ обратно на такъ называемыя крокодиловыя фермы.

Въ Америкѣ существуютъ фермы, гдѣ разводятъ крокодиловъ или аллигаторовъ такъ, какъ въ другихъ странахъ разводятъ гусей, барановъ и другихъ домашнихъ животныхъ; это можетъ показаться страннымъ, но съ тѣхъ поръ, какъ янки **) поняли, что разведеніемъ аллигаторовъ можно зарабатывать большія деньги, они устроили особыя фермы, спеціально для разведенія этихъ животныхъ. Впрочемъ надо отдать справедливость этимъ «alligator-farmer»-амъ, — они, удовлетворяя прихоти великосвѣтскихъ дамъ, не даютъ окончательно исчезнуть этому роду животныхъ. До 1890 года аллига-

*) Семейство крокодиловъ, которые водятся въ южныхъ водахъ Америки.

**) Американцы.

торами изобиловали рѣки и болота Флориды, охота на аллигаторовъ была только спортомъ и, когда какой нибудь богатый житель Нью-Йорка, Бостона или Филадельфійи проводилъ зиму въ тепломъ климатѣ Флориды, его хозяева считали своей обязанностью устраивать въ честь гостя охоты на аллигаторовъ.

Около этого времени одинъ заводчикъ придумалъ очень дешевый способъ готовить изъ кожи аллигатора сафьяновые издѣлія. Сафьянъ, изготовленный изъ этой кожи отличался прочностью и доброкачествомъ. Вскорѣ затѣмъ Европа, а также и Соединенные Штаты послали ему огромные заказы. Прежде аллигаторовъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ убивали около 3 тысячъ въ годъ, но какъ только кожа ихъ нашла себѣ сбытъ въ видѣ сафьяна, они стали массами истребляться, особенно въ болотахъ, поблизости Мексиканскаго залива.

Въ 1902 году «комиссія рыболовства» сообщила газетамъ слѣдующія краснорѣчивыя цифры: съ 1890 до 1900 г. въ одномъ штатѣ Флоридѣ убили болѣе 3-хъ милліоновъ аллигаторовъ.

Въ настоящее время эта порода крокодиловъ совершенно исчезла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде они водились тысячами. Вслѣдствіе этого кожа аллигатора длиною въ 4 метра, которую можно было прежде купить за безцѣнокъ, теперь стала продаваться по неимоვნю высокой цѣнѣ.

Первый, кому пришла мысль устроить крокодиловую ферму, былъ американецъ М-г Кампбель. Онъ купилъ въ штатѣ Арканзасѣ, недалеко отъ станціи минеральныхъ водъ «Hot-Springs» (высоко бьюшіе теплые ключи) очень удобныя для этой цѣли мѣста и устроилъ тамъ свою ферму. Во всю длину его имѣнія протекаетъ рѣка и образуетъ цѣлый рядъ естественныхъ бассейновъ, около которыхъ М-г Кампбель устроилъ сады для развода этихъ животныхъ и сталъ доставлять новорожденныхъ аллигаторовъ богатому классу крупныхъ американскихъ городовъ, а подростковъ — звѣринцамъ и музеямъ.

Аллигаторы растутъ очень медленно. По вылупленіи изъ яйца, они бывають длиною 8—9 сант., а въ 15 лѣтъ достигаютъ 60 сант.; аллигаторы длиною 4—5 метровъ навѣрно

прожили болѣе 100 лѣтъ. Говорятъ, что аллигатору «Big-Toe» (толстый Юсифъ)—царю фермы «Hot-Springs», который длиною 5 метровъ, болѣе 200 лѣтъ.

Вслѣдствіе медленнаго роста аллигаторовъ, М-г Кампбель не довольствуется тѣмъ, что разводитъ ихъ изъ яицъ, но и пользуется услугами охотниковъ, которые доставляютъ ему живыхъ аллигаторовъ, пойманныхъ въ болотахъ и лагунахъ южныхъ штатовъ.

По доставленіи этихъ животныхъ на ферму, ихъ тщательно осматриваютъ и, если находятъ малѣйшую рану, забраковываютъ, такъ какъ нѣтъ въ мірѣ животнаго, кровь котораго такъ легко ни отравлялась-бы: достаточно малѣйшей дробинки, проникшей въ тѣло крокодила, что-бы животное умерло дня черезъ два отъ зараженія крови.

Смотря по росту, аллигаторы распредѣляются по специально загороженнымъ мѣстамъ фермы. Если-бы ихъ держать всѣхъ вмѣстѣ, то маленькіе слишкомъ часто дѣлались-бы добычей большихъ. Такъ по крайней мѣрѣ думали до сихъ поръ, но М-г Кампбель утверждаетъ, что его пансіонеры—довольно безобидныя животныя, и только въ іюнѣ, и при томъ самцы, дѣлаются очень свирѣпыми и очень часто дерутся. Въ это время съ налившимися кровью глазами, задыхающіеся они часто бросаются на рѣшетку, отдѣляющую ихъ отъ зрителей, и страшно трясутъ ее.

За исключеніемъ этого мѣсяца, М-г Кампбель, не колеблясь, входитъ въ ихъ жилища, шагая чрезъ своихъ воспитанниковъ, которые каждую минуту грозятъ ему смертью.

Помощники М-г'а Кампбеля болѣе осторожны; но они боятся меньше зубовъ крокодила, чѣмъ ужаснаго удара хвоста: плохо тому, кто будетъ сшибленъ имъ—будетъ слишкомъ поздно, когда поспѣетъ къ нему помощь.

Посмотримъ теперь, какъ кормится новорожденный крокодилъ въ первые дни своего существованія.

Обыкновенно въ іюль, самки выводятъ дѣтей изъ яицъ; для этого онѣ устраиваютъ гнѣзда изъ остатковъ своего помѣта, складывая послѣдній задними лапами въ кучу.

Яйца крокодила формой похожи на утиныя; цвѣтъ ихъ—цвѣтъ хорошаго голубого фарфора, а длина не превышаетъ 7-ми сант.

Крокодилъ—самка до времени вылупленія находится все время вблизи гнѣзда, предоставляя высиживаніе солнцу; она караулитъ гнѣздо до тѣхъ поръ, пока скорлупа яйца не лопнетъ и оттуда не покажется маленькій аллигаторъ, послѣ чего удаляется отъ гнѣзда, чтобы никогда болѣе къ нему не возвратиться.

М-г Кампбель понялъ, что очень выгодно выводить крокодиловъ изъ яицъ: дюжина яицъ стоитъ 25 франк., тогда какъ вышедшій изъ яйца аллигаторъ въ первый же день своего существованія цѣнится 7—8 франк. А потому М-г Кампбель покупаетъ для своей фермы не только живыхъ аллигаторовъ, но и ихъ яйца.

Въ продолженіе первой недѣли своего существованія аллигаторы питаются жареною говядиною; это—вся забота о нихъ. Забота эта прекращается съ наступленіемъ второй недѣли, и они начинаютъ жить одинаковою жизнью съ прочими крокодилами т. е. получаютъ мясо только разъ въ недѣлю, чаще въ воскресенье. Порція, получаемая ими въ этотъ день, состоитъ изъ мясныхъ отбросовъ, покупаемыхъ на скотобойняхъ по очень дешевой цѣнѣ. Мясо крокодилъ любитъ болѣе всякой другой пищи.

М-г Кампбель очень охотно принимаетъ посѣтителей, которые чаще всего приходятъ въ воскресенье послѣ полудня; нѣкоторые изъ нихъ приносятъ съ собою живыхъ цыплятъ или кроликовъ и забавляются тѣмъ, что бросаютъ послѣднихъ за рѣшетку къ крокодиламъ. Тогда для янки настаетъ лучшая часть удовольствія: между ними очень скоро составляются пари.

Если новорожденныхъ аллигаторовъ слишкомъ много, то и тогда крокодиловыя фермы находятъ еще новый легкій сбытъ своего излишка. Трактирщики, рестораторы или коммерсанты приходятъ въ этомъ случаѣ на помощь: они позади своихъ оконъ, вмѣсто рекламъ, помѣщаютъ бассейны, въ которыхъ можно встрѣтить аллигаторовъ длиною 1—2 метра. Эти «выставки» всегда имѣютъ успѣхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ М-г Кампбель придумалъ нѣчто новое: онъ выбралъ съ десятокъ аллигаторовъ, длиною 2—3 метра, которыхъ научилъ дѣлать разныя акро-

батическія упражненія, въ надеждѣ продать въ циркъ по хорошей цѣнѣ.

Эти упражненія однако очень однообразны: аллигаторы имѣютъ ограниченный умъ. Ради своего честолюбія укротителя, М-г Кампбель приучилъ своихъ воспитанниковъ играть въ «toboggan». Игра эта несложна: чудовища еле-еле поднимаются по особой лѣстницѣ на площадку особой эстрады, вышиною 7—8 метровъ, волоча свой хвостъ. Взобравшись на площадку, чудовищамъ ничего болѣе не остается сдѣлать, какъ переползти ее, быстро скатиться внизъ по наклонной плоскости по другую сторону и попасть въ бассейнъ съ водою; но и этой наукѣ, несмотря на усилія М-га Кампбеля, поддаются не всѣ аллигаторы.

(Lectures pour tous, 1907).

IV кл.

М. С.

Среди житейских волнъ:

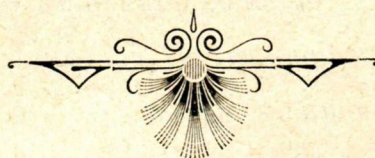
День угасалъ, и ярко краснымъ пламенемъ пожара
Пылалъ закатъ. На улицахъ вездѣ
Ключемъ китля жизнь: крикъ, говоръ, стукъ, смѣхъ и пѣсня
Сливались въ общій гамъ, неслись подъ облака
И въ комнату мою вривались шумно
Живой широкою волной;
Въ нихъ слышалась борьба, безпечность и безумство,
И радость и печаль, и ненависть, любовь.
Такъ бушевалъ потокъ людскихъ стремлений и недуговъ;
Онъ пробуждалъ во мнѣ желанья и мечты,
Но я не шелъ имъ вслѣдъ. И я оцѣпенѣлъ,
И силы не было порвать свои оковы.
Какъ я молилъ пощады у судьбы!
Напрасно. Для меня не возвратятся вновь
Стремлений радостныхъ порывы тѣ, какими
Такъ широко была охвачена толпа.
Они прошли далеко стороною
И вздоха тяжкаго еще одной души,
Горящей пламенемъ борьбы и упованья,
Не слышамъ. Ужель?! Такъ мимо, мимо, мимо...
Не для меня. Напрасныя мечты,
Какъ вы ясны и какъ неисполнимы!
Къ другимъ, но не ко мнѣ, летите по полямъ,
Неситесь надъ землей незримыми стадами,
Вселайтесь въ тѣхъ, кто волею силенъ,
Кто смѣлъ въ борьбѣ, въ опасностяхъ отваженъ,

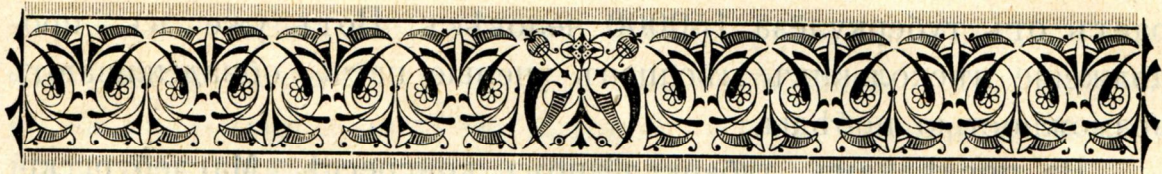
Кто терпеливъ и твердъ! Онъ васъ благословитъ
И смѣло въ трудный путь, къ мерцающей въ туманѣ
Невѣдомой звѣздѣ, съ надеждою поидетъ.
Онъ сломитъ зло, онъ вынесетъ невзгоды,
Онъ посвятитъ себя для васъ, мои мечты;
Онъ васъ осуществитъ и гордо, съ головою
Высоко поднятой достигнетъ свѣтлой цѣли
И полный счастья на лаврахъ опочитъ.
Такъ мимо... мимо... къ нимъ, могучимъ терпеливымъ,
Трудящимся! Такъ мимо... мимо... мимо...
Настала ночь. Затихли шумъ и крики.
Поднявшись надъ землею высоко, разлилась
И тихо—тихо, такъ ласково свѣтила
И отъ дневныхъ заботъ къ покою сна манила
Красавица луна. И повинуюсь ей,
Все въ безмятежномъ снѣ безмолвно потонуло.
А я изнемогалъ. Я плакалъ, поцѣлюемъ
Невидимымъ ея къ страданьямъ пробужденный.
Вѣдь я любилъ ея! Я часто тихой ночью,
Встрѣчаясь взоромъ съ ней, рассказывалъ съ тоскою,
Какъ тяжело въ мѣрѣ жить, гдѣ нѣту утѣшенья:
— „Ахъ, научи меня! Скажи, какъ имъ помочь,
Несчастнымъ страдающимъ? И скованный цѣпями,
Я не могу съ сверкающимъ мечемъ
Карать за зло людей. Возможно-ли притомъ,
Что все несчастные и не злодѣи зная,
Ихъ жизни тлѣніе изъ сердца вырывать?
О, нѣтъ, я не могу! на это есть другіе.
И я бездѣйствую, мечтою упоенный
И встревоженный. Ахъ, какъ я хочу борьбы!
Вѣдь борятся другіе, разрывая
Оковы зла и тьмы! По къ нимъ идти я не могу.
И ласково обнявъ, она шептала мнѣ:
— „Но ты останься здѣсь и не стремись за ними!

И не свершай ихъ тяжкихъ трудныхъ дѣлъ,
Но не гони мечты! О, нѣтъ! онѣ святыя;
Онѣ утѣшатъ, вдохновятъ и такъ же вознесутъ.
Пиши! Пиши о тѣхъ страданьяхъ страшныхъ,
Которыми кричитъ и стонетъ темный мѣръ!
Ты освятишь его своимъ писаньемъ,
Ты облегчишь его, поплакавъ вмѣстѣ съ нимъ!
Пиши, пиши, пиши! и ты восторжествуешь,
Утѣшишься; твой трудъ благословятъ,
Достигнешь ты того, чего достигли
Тѣ,—кто бодро шелъ борется и страдаетъ!“
И вотъ опять лобзаніемъ чудеснымъ,
Мнѣ душу вдохновивъ, тихонько поплыла
Луна по небесамъ туманнымъ и неяснымъ,
Вливая всюду свѣтъ, сочувствія полна.

VI кл.

Эмь.

Борьба съ туберкулёзомъ. *)

(Съ французскаго).

Возможна ли, наконецъ, борьба съ туберкулёзомъ, съ этой ужасной болѣзью, которая болѣе губительна, чѣмъ война и которая ежегодно уноситъ миллионы жертвъ?

Во всѣ эпохи исторіи медицины не было примѣра такой ожесточенной борьбы, какая ведется теперь.

Дѣйствительно, въ настоящее время во Франціи выстроено 77 санаторій: изъ нихъ 32—на берегу моря, 12—около минеральныхъ источниковъ и 33—въ различныхъ мѣстахъ провинцій. Кромѣ этихъ санаторій, устроены еще особыя помѣщенія для изоляціи туберкулёзныхъ больныхъ, помѣщенія, такъ называемыя: «Дома отдыха» и «Дома чистаго воздуха». Въ санаторіяхъ насчитывается 10689 кроватей, специально приспособленныхъ для туберкулёзныхъ больныхъ. Въ большихъ городахъ 63 амбулаторныхъ пункта предохраняютъ низшій классъ населенія отъ заразы и въ тоже время учатъ его, какъ избѣгать ее.

Въ послѣднее время устроены лѣтнія колоніи для бѣдныхъ дѣтей или подростковъ, дающія имъ возможность въ продолженіе 15—30 дней дышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ.

Но увы! Все это является лишь очень незначительной помощью.

Въ настоящее время во Франціи 620000 туберкулёзныхъ больныхъ. извѣстныхъ статистикѣ, а сколько еще полубольныхъ или неподозрѣвающихъ своей болѣзни, или, наконецъ, такихъ, которые уже отчаялись въ исцѣленіи и бросили леченіе? И всѣ они продолжаютъ распространять заразу.

Эти не подлежатъ статистикѣ. Но что число ихъ очень велико, ясно видно изъ того, что во Франціи ежегодно уми-

*) Болѣзнь, именуемая въ общежитіи чахоткою.

раетъ отъ туберкулёза 150000 человекъ. Вотъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ученые насъ обнадеживаютъ возможностью побѣды.

На послѣднемъ туберкулёзномъ конгрессѣ Магдебургскій ученый Veing заявилъ, что онъ нашелъ средство прекрасно дѣйствующее противъ туберкулёза, но, къ сожалѣнію, онъ свое открытіе держитъ въ тайнѣ, и до сихъ поръ еще медлитъ съ опубликованіемъ его. Французскіе же ученые, напротивъ, работаютъ совершенно открыто, и вотъ результаты ихъ открытій.

Раньше предполагали, что бациллы *) «Коха», носясь въ воздухѣ, проникаютъ въ наши легкія только черезъ дыхательные органы. Предположеніе это ошибочно: бациллы проникаютъ въ наши легкія не только черезъ дыхательные органы, но въ большинствѣ случаевъ и черезъ пищеводъ.

Впервые это открытіе сдѣлалъ знаменитый французскій ученый профессоръ Vallée въ апрѣлѣ 1905 года. Онъ нашелъ, что бациллы, проходя вмѣстѣ съ пищей въ нашъ желудокъ, выходятъ изъ него въ мезентеричныя ганглии, **) изъ ганглий по кровеноснымъ сосудамъ они проходятъ въ главную артерію и изъ нея уже по легочнымъ артеріямъ проходятъ въ легкія. Тоже самое подтверждаетъ и знаменитый профессоръ Kalmette; онъ доказываетъ даже, что бациллы и не могутъ проникнуть въ легкія черезъ дыхательный органъ, такъ какъ инстинктивныя спазмы гортани возвращаютъ и выбрасываютъ собирающуюся у входа въ бронхи ***) пыль, а вмѣстѣ съ нею и бациллы. Такимъ образомъ дальше бронхъ черезъ дыхательный органъ бациллы проникнуть не могутъ. Напротивъ, бациллы не только съ пищей, но даже со слюной, которую мы безпрестанно глотаемъ проникаютъ безпрепятственно къ намъ въ желудокъ, а изъ него по извѣстной уже намъ дорогѣ проходятъ въ легкія и начинаютъ тамъ свою разрушительную работу. На основаніи этого профессоръ Kalmette заключаетъ, что необходимо слѣдить за нашей пищей, избѣгать возможности *сырыхъ кушаній* и въ особенности *сырого молока*. Необходимо также передъ каждой ѣдой *мыть руки* и почаще *поло- скать ротъ*.

*) Мельчайшія живыя существа, видимыя только посредствомъ сильнаго микроскопа.

**) Въ анатоміи такъ называютъ нервныя узлы, содержащіе нервныя клѣтки.

***) Вѣтви дыхательнаго горла.

Вообще необходимо всѣми силами стараться противиться проникновенію бациллъ въ нашъ ротъ, такъ какъ онѣ, несмотря на окольную дорогу, по которой идутъ, кончаютъ всегда тѣмъ, что попадаютъ въ наши легкія.

Почти всѣ ученые пришли къ заключенію, что бациллы человека совершенно сходны съ бациллами нѣкоторыхъ животныхъ, на примѣръ коровъ и быковъ. 34% дѣтскихъ туберкулёзныхъ заболѣваній происходятъ отъ коровьяго молока. Во Франціи ежегодно умираетъ отъ туберкулёза 80000 дѣтей, отъ 1—3 лѣтъ, изъ нихъ по крайней мѣрѣ, 50000 отъ зараженія коровьимъ молокомъ, которое содержитъ туберкулёзныя бациллы.

Эти бациллы содержатъ ядъ, такъ называемый «токсинъ», который производитъ разрушительное дѣйствіе въ нашемъ организмѣ, но въ свою очередь организмъ отвѣчаетъ выдѣленіемъ вещества, парализующаго дѣйствіе токсина; это, такъ называемый, «антитоксинъ», который находится въ бѣлыхъ шарикахъ нашей крови. Дѣлать прививки, значитъ вводить въ нашъ организмъ извѣстное количество разводки бациллъ, ядовитость которой предварительно уменьшаютъ посредствомъ нагрѣванія. Повтореніемъ одинаковыхъ по количеству вводимаго вещества прививокъ заставляютъ мало по малу нашъ организмъ производить постепенно увеличивающееся количество антитоксина, который по истеченіи нѣкотораго времени въ состояніи парализовать дѣйствіе токсина. Съ этого момента нашъ организмъ предохраненъ уже отъ этой болѣзни. Прививки производятся черезъ промежутки въ нѣсколько недѣль, поэтому о дѣйствіи ихъ можно судить сравнительно нескоро. Однако, несмотря на медленность прививанія, результаты получены уже довольно хорошіе.

Въ послѣдній разъ опытъ производился надъ обезьяной, вся родня которой умерла отъ туберкулёза; она одна осталась жива, но была заражена и находилась уже въ довольно тяжеломъ состояніи. Въ продолженіе 3 мѣсяцевъ ей дѣлали прививки, и она начала быстро поправляться: аппетитъ ея увеличился, силы почти возстановились; въ скоромъ времени, надо думать, она окончательно выздоровѣетъ.

Профессора М. Lannelongue и М. Acharд послѣ семилѣтнихъ опытовъ нашли нѣсколько другой способъ леченія, а именно,

они вмѣсто прививокъ дѣлали впрыскиванія, подобно впрыскиваніямъ антидифтеритной или античумной сыворотокъ.

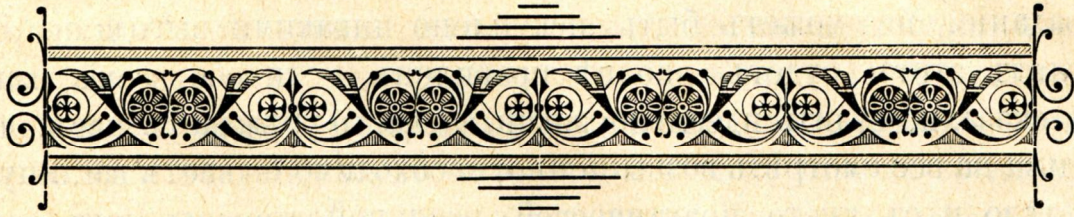
Опыты свои они производили надъ морскими свинками. Заразивъ значительное количество этихъ животныхъ, они раздѣлили ихъ на двѣ части; одну часть они предоставили ихъ судьбѣ, а другую начали лѣчить, дѣлая впрыскиванія сыворотки, полученной отъ лошадей и ословъ. По прошествіи 371 дня изъ морскихъ свинокъ, оставленныхъ безъ леченія, умерло 96%, между тѣмъ какъ изъ тѣхъ, которые были подвергнуты леченію лошадиною сывороткою умерло 60%, а изъ подвергнутыхъ леченію ослиною—умерло только 40%.

VI кл.

(Lectures pour tous, 1907.)

Эльпе.

„Поединокъ“ Куприна.

(Критическая замѣтка).

Въ извѣстной своей повѣсти «Поединокъ» г. Купринъ высказалъ много интересныхъ взглядовъ на современныхъ военныхъ людей; указалъ въ ней не мало характерныхъ чертъ военного быта и, такъ сказать, какъ бы поднялъ завѣсу, скрывавшую недостатки и предразсудки военной среды.

Въ этой повѣсти г. Купринъ хотѣлъ провести двѣ основныя идеи.

Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что авторъ выражаетъ недоумѣніе, какъ можетъ существовать сословіе, не приносящее въ мирное время абсолютно никакой пользы, а въ военное время идущее калѣчить и убивать людей. Въ этой идеѣ проглядываетъ однако рѣзкая крайность: авторъ нападаетъ на военныхъ, указывая на бесполезность ихъ существованія въ мирное время, тогда какъ дѣло представляется въ такомъ видѣ, что армія, существуя въ мирное время, правда, не приноситъ пользы лишь въ области науки и вообще не способствуетъ прогрессу человѣчества, такъ какъ дѣятельность ея, главнѣйше, направлена на развитіе и усовершенствованіе военного искусства и на подготовку себя къ военному времени; что же касается калѣченія и убиванія людей въ военное время, то съ бессмысленностью этого, на что указываетъ авторъ, совершенно нельзя согласиться. Конечно, если на дѣло взглянуть съ идеальной точки зрѣнія, то мы должны будемъ согласиться съ основнымъ тезисомъ г. Куприна, такъ какъ война уже сама по себѣ, будь она сопряжена даже съ большими выгодами для отдѣльнаго государства, есть громадное зло, которое, принося человѣчеству

страданіе, не можетъ быть искуплено никакими выгодами. Но взглядъ этотъ будетъ вполне правиленъ, если обо всемъ, какъ мы сказали, судить идеально; жизнь же часто убѣждаетъ насъ, что нельзя на всё смотрѣть возвышенно, необходимо бываетъ взглянуть на дѣло и съ чисто практической, реальной стороны, такъ какъ зачастую теорія бываетъ совершенно непримѣнима на практикѣ.

Быть можетъ теоретическіе взгляды на войну, отрицающіе ея неизбѣжность, и осуществляются со временемъ, когда человечество настолько разовьется нравственно, что не только пойметъ зло войны, но и будетъ дѣйствовать, сообразно своимъ убѣжденіямъ, великодушно и гуманно. Но это, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ осуществиться лишь въ далекомъ будущемъ; теперь-же, въ нашъ далеко негуманный вѣкъ, приходится дѣйствовать часто весьма нечеловѣчно и для защиты интересовъ и правъ своего государства существованіе вооруженныхъ силъ признавать необходимымъ.

Вторая идея, проводимая г. Купринымъ въ его повѣсти, касается самой военной среды и проникаетъ въ самыя нѣдра военного быта. Авторъ высказываетъ мысль, что всякая болѣе или менѣе выдѣляющаяся по своимъ дарованіямъ личность, попавъ въ военную среду, подъ вліяніемъ послѣдней, постепенно теряетъ свои преимущества и какъ бы сглаживается, обезличивается среди окружающей обстановки т. е. говоря другими словами, армія есть среда, принижающая человѣческую личность, убивающая въ ней ея собственное «я».

Для того, чтобы судить о правильности такой мысли, необходимо прослѣдить, откуда, на основаніи какихъ данныхъ могъ прійти къ ней авторъ. Изъ повѣсти видно, что авторъ основывалъ свою мысль, опираясь на бытъ одного изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, расположеннаго вблизи нашей западной границы. Авторъ далъ въ повѣсти поразительно яркое описаніе быта этого полка. Читая „Поединокъ“, мы дѣйствительно замѣчаемъ, какъ мало по малу, подъ вліяніемъ окружающей среды пошлѣли и портились высокія и честныя натуры. Возьмите Ромашева, этого пылкаго, мечтательнаго, чистаго, совершенно нетронутаго житейскими дрызгами, юношу. Прибывъ въ полкъ, Ромашевъ начинаетъ постепенно опускаться все ниже и ниже; заражается грязью и пошлостью, начинаетъ пить, вступаетъ въ связь съ какою-то пошлою дамой и, если бы дуэль не прекра-

тила его существованія, то онъ, навѣрно, окончательно опош-лился-бы въ этой безсодержательной жизни. Посмотрите на Назанскаго, на эту по нравственнымъ задаткамъ высокую, умную личность и скажите, выдѣляется-ли онъ чѣмънибудь среди другихъ, замѣтно-ли это въ его поступкахъ? Нисколько. Обстановка окружающая его, такъ придавливаетъ, что онъ дѣлается алкого-ликомъ; положимъ, онъ и сторонится общества, такъ какъ стоитъ выше его, но дѣлаетъ-ли онъ что-нибудь, отличающее его отъ другихъ? Нѣтъ. Вліяніе обстановки сказывается и на немъ: онъ является только пассивнымъ лицомъ. Да такъ и всѣ, начиная съ командира и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ совершенно обезличиваются. Многіе скажутъ, что это идеализація, что г. Купринъ выставляетъ только самыя отрицательныя характеры, указываетъ на самыя непривлекательныя стороны военного быта, чтобы тѣмъ самымъ имѣть болѣе основаній для подкрѣпленія справедливости проводимой имъ идеи. Однако, допуская существованіе такого полка, въ которомъ свѣтлыя личности по своей малочисленности какъ бы теряются, тонутъ среди другихъ, — развѣ бытъ одного полка можетъ служить картиной быта всего военнаго сословія вообще? Конечно, нѣтъ. Можно-ли на основаніи быта этого, заброшеннаго судьбою въ глушь, полка судить о бытѣ другихъ полковъ? Надо принять во вниманіе и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ неблагопріятно сложилась жизнь этого полка: полнѣйшее одиночество и прозябаніе, благодаря глухому мѣсту стоянки и значительному удаленію его отъ умственнаго центра, отъ мѣстъ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ и стремится къ культурному прогрессу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, когда жизненные рамки полка узки и тѣсны, естественно нельзя искать въ жизни его ничего высокаго, нельзя предъявлять къ нему строгихъ требованій относительно полезной умственной дѣятельности. Узость жизни, отсутствіе духовныхъ интересовъ дѣлали жизнь полка пустою и безсодержательною. Все это, по-неволѣ, заставляетъ извинять полку многое, что, конечно, недопустимо въ другихъ частяхъ арміи.

И вотъ, по средѣ этого жалкаго, опустившагося полка, по явленіямъ, имѣвшимъ въ немъ мѣсто, г. Купринъ судить о всей военной средѣ, дѣлаетъ смѣлыя заключенія. Неужели же среди военныхъ находятся только такіе типы, какіе вывелъ въ своей

повѣсти г. Купринъ? Неужели въ арміи мало умныхъ, дѣятельныхъ и способныхъ людей, трудящихся съ пользою для военнаго искусства и широко, не пендантично понимающихъ свои обязанности? Конечно, ихъ не менѣе, чѣмъ и въ другихъ сословіяхъ. Вѣдь кромѣ пѣхотныхъ полковъ у насъ существуютъ въ арміи еще войска спеціальныя: артиллерійскія и инженерныя части, дающія массу военныхъ лицъ, которыя по своей умственной дѣятельности и труду стоятъ на надлежащей высотѣ. Всѣхъ этихъ лицъ г. Купринъ, очевидно, игнорируетъ.

Итакъ, главная идея г. Куприна, проводимая въ повѣсти «Поединокъ»-военная среда обезличиваетъ человѣческую личность, -- въ основѣ своей рѣшительно невѣрна, такъ какъ быть одной отдѣльной части арміи никакъ не можетъ давать г. Куприну права обобщать свои выводы относительно всей военной корпораціи.

VII кл.

Л. Кравковъ.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ

КАДЕТСКИХЪ КОРПУСОВЪ.

Журналы: „Кадетскій Досугъ“ и „Кадетъ“.

I.

Журналъ „Кадетскій Досугъ“, издаваемый при первомъ кадетскомъ корпусѣ — удовлетворителенъ какъ съ внѣшней стороны, такъ и по содержанію. Правда, онъ немного маловатъ, но за то аккуратно выходитъ 2—3 раза въ мѣсяцъ, что даетъ возможность непрерывно слѣдить за развитіемъ литературныхъ силъ кадетъ корпуса. Этотъ журналъ былъ бы вполне кадетскимъ (что было бы всего желательнѣе), если-бы въ немъ не встрѣчалось въ каждомъ номерѣ перепечатокъ изъ газетъ и журналовъ Маленькій по объему, почти въ одинъ печатный листъ, №№ журнала, „Кадетскій Досугъ“ иногда бываютъ чуть ли ни наполовину заполнены перепечатками. Неужели безъ этого нельзя обойтись? Также мнѣ немного непонятно, почему редація на страницахъ своего журнала помѣщаетъ произведенія г. И. Горбунова, въ родѣ „У пушки“ и т. п. Развѣ онѣ не извѣстны кадетамъ корпуса, что редація знакомитъ съ ними своихъ читателей черезъ посредство своего печатнаго органа?! Изъ произведеній кадетъ болѣе всего выдѣляются и невольно заставляютъ обращать на себя вниманіе стихотворенія г. Крамаренко и, какъ нѣчто оригинальное, очерки и рассказы г. Ге-Те.

Стихотворенія г. Крамаренко почти всѣ богаты по мысли и художественной обработкѣ, встрѣчаются такъ же и нелишенные музыкальности слога. Мнѣ удалось ознакомиться съ произведеніями г. Крамаренко по журналу „Кадетскій Досугъ“ только за нынѣшній учебный годъ; изъ помѣщенныхъ въ немъ стихотвореній особенно хороши: „Два Пѣвца“ и „Пѣсня Правды“; послѣднее заканчивается печальнымъ тоскливымъ мотивомъ:

„Неумѣлой рукой я аккордъ подбиралъ,
 Чтобы правда слилася съ добромъ,
 Неумѣлой рукой я на струнахъ игралъ
 И не могъ совладать я со зломъ!
 И не кончилъ тяжелой, но честной борьбы,
 Отступилъ передъ грозной судьбой,
 И ушелъ навсегда отъ тяжелой тропы
 Съ безучастной, холодной душой“...

Не правда-ли, какой красивый печальный аккордъ музыки г. Крамаренко.

Вообще, всѣ его вещицы очень и очень хороши, и журналъ „Кад. Досугъ“ не можетъ не гордиться, имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ г. Крамаренко.

Еще обращаетъ на себя вниманіе стихотвореніе г. Ленца: «Съ оружіемъ въ рукахъ разстрѣлять» на картину Верещагина. Это стихотвореніе немного хромаетъ размѣромъ, но, принявъ во вниманіе, что оно написано кадетомъ лишь IV кл.—очень недурно.

Теперь нѣсколько словъ о произведеніяхъ г. Ге-Те. Ихъ можно отнести по языку къ какому-то новому, еще доселѣ неизвѣстному способу говорить и писать по-русски:—это не бѣлые стихи или стихи въ прозѣ, а что-то среднее между первыми и вторыми, но что,—право трудно отвѣтить. Произведенія г. Ге-Те производятъ то впечатлѣніе, какъ будто авторъ каждый изъ своихъ очерковъ или рассказовъ писалъ, перечеркивалъ, опять писалъ и такъ по нѣскольку разъ; въ концѣ концовъ отшлифовывалъ его такъ, что когда прочтешь, то сразу остается впечатлѣніе довольно красивой, но съ большимъ трудомъ отдѣланной вещицы и..... только. Второй разъ перечитывать не стоитъ, ибо невольно бросится въ глаза что то искусственное, что-то не свое. Г. Ге-Те вѣроятно всего искусный мастеръ, умѣющій тонко и изящно обрабатывать свои вещицы, но отнюдь не обладатель такой музыки, какъ г. Крамаренко. Произведенія г. Ге-Те хорошо характеризуетъ русская пословица: «не все то золото, что блеститъ». Напримѣръ, его рассказъ: «Русалка». Это что-то особенное по языку и по мысли. Вотъ отрывокъ изъ этого произведенія:

„Смолкъ пѣвецъ, (соловей) и на время затихла природа. Далеко, далеко чуть слышна грустная пѣсня,—словно плачетъ и рыдаетъ молодой пѣвецъ (!) Приподнялась русалка, смотреть въ

темную даль: тамъ пѣшкомъ по дорогѣ идетъ молодець и поетъ про разлуку съ любимой. Онъ идетъ и поетъ; надрывается грудь молодца, онъ готовъ зарыдать, но онъ все же поетъ (!) и идетъ въ безпредѣльную даль. Онъ идетъ межъ лѣсовъ, пробираясь узкой тропой, онъ идетъ по лугамъ, по колѣно въ высокой травѣ, онъ идетъ по межамъ, по краямъ поднимается рожь, онъ идетъ по селу, на него изъ окна всѣ дѣвицы глядятъ и манятъ,—а онъ все дальше и дальше идетъ, и конца той дороги не видитъ. А русалка глядитъ—вотъ онъ ближе идетъ, встрепенулась она и запѣла. Пробудилась природа; (!!)) ей вторить соловей, ей вторить и ручей, межъ кустовъ пробираясь; вмѣстѣ съ нею поетъ вѣтерокъ, шелестя межъ листовъ; эхо глухо вторить,—вся природа проснулась, поетъ. Всталъ, какъ вкопанъ, пѣвецъ и глядитъ: передъ нимъ въ синевѣ голубой Эльфовъ рой; они то высоко скользнуть въ высоту, то на землю опустятся снова; то сплетаются сѣтью онѣ, то дорогу даютъ молодцу,—зазываютъ его все поближе къ рѣкѣ, на утесъ роковой, гдѣ русалка поетъ. И покорный судьбѣ онъ идетъ, не глядитъ. Гдѣ-то флейта звучитъ, передъ нимъ путь цвѣтами усыпанъ...

Онъ идетъ все впередъ“.

Что это? Красивый наборъ словъ; искусная группировка предложений, или что нибудь болѣе положительное, связанное по мысли, цѣлое?

Почему пробудилась и запѣла природа, когда встрепенулась русалка, и гдѣ это авторъ могъ услышать флейту,—извѣстно, вѣроятно, только ему одному.

Самая лучшая вещь г. Ге-Те,— „Ночь“; но тоже оригинальна по слогу рѣчи, что вообще замѣтно во всѣхъ его произведеніяхъ.

Разсказъ „Бурный путь“ г. Борца—недуренъ, но къ сожалѣнію авторъ по стилю языка старается подражать г. Ге-Те и если-бъ этотъ разсказъ былъ безъ подписи, то можно было бы подумать, что онъ принадлежитъ перу автора „Русалка“ и „Ночь“.

Одинъ изъ крупныхъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Кад. Досугъ“ — разсказъ „Неудачи“ графа Стено. Пока этотъ разсказъ представляетъ собою что-то тягучее, скучное, вялое. Въ немъ нѣтъ яркихъ красокъ, красивыхъ мѣстечекъ, мало-мальски порядочно выведенныхъ типовъ. Весь этотъ разсказъ, что-то жиденькое, скоро надоѣдающее; въ общемъ, разсказъ „Неудачи“ представляетъ собою полнѣйшую неудачу графа на поприщѣ беллетристики. Беллетристика должна наглядно и легко зна-

комить съ жизнью, нравами, съ общественными теченіями или проводить какую нибудь идею, а для этого и автору нужно знаніе жизни, опытъ и вдумчивость въ явленія окружающей жизни. Ничего этого, къ сожалѣнію, у гр. Стено не замѣчается.

Въ журналѣ „Кад. Досугъ“ иногда всрѣчаются довольно живые очерки и рассказы ихъ жизни охотниковъ. Такъ недурно написанъ рассказъ „Охота на утокъ“ г. Вахновскаго.

Вообще журналу надо пожелать много лучшаго, чтобъ онъ былъ не только удовлетворителенъ, но и хорошъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится на второмъ году своего существованія.

II.

Недавно наша редакція получила въ обмѣнъ своего журнала журналъ Сумскаго кадетскаго корпуса «Кадетъ». Журналъ этотъ, какъ на всю старшую роту нашего корпуса, такъ и на меня произвелъ пріятное впечатлѣніе. Видно, что кадеты любовно принялись за это дѣло и работаютъ не покладая рукъ, работаютъ единодушно, стараясь поднять свой печатный органъ на надлежащую высоту среди всѣхъ существующихъ кадетскихъ журналовъ, и если ихъ работа будетъ такая же единодушная, такая же непрерывная, каковой она кажется до сихъ поръ,— то это кадетамъ Сумскаго корпуса, можетъ быть, и удастся.

Какъ съ внѣшней стороны, такъ и по содержанію журналъ „Кадетъ“ очень и очень недуренъ. Нашъ корпусъ къ сожалѣнію получилъ только три послѣднихъ номера: 7-ой, 8-ой и 9-ой; но несмотря на это, эти три номера настолько ясно характеризуютъ всю постановку журнальнаго дѣла, что я рѣшаюсь говорить о немъ, какъ уже о совершенно сформировавшемся печатномъ органѣ.

Не могу пройти молчаніемъ статью г. А. Дьяченко о повѣсти Куприна «Кадеты». Она произвела среди нашихъ кадетъ старшей роты сенсацію; многіе были возмущены голословностью автора. Онъ пишетъ, что «кадеты» г. Куприна неправдоподобны, что эта повѣсть переполнена несообразностями и неточностями. И несообразность и неточность г. Дьяченко видитъ въ словахъ Куприна о нравственныхъ характеристикахъ кадетъ. Г. Дьяченко задаетъ вопросъ: «откуда авторъ «Кадеты» могъ знать содержаніе послѣднихъ, если онъ, по его же словамъ, хранились въ строгой тайнѣ?»

Я по крайней мѣрѣ не вижу здѣсь несообразности или противорѣчія: вѣдь характеристики хранились въ тайнѣ отъ кадетъ и только!

Затѣмъ г. Дьяченко о Купринѣ въ своей статьѣ говоритъ такъ:

«Купринъ это — «коричневый современной скудной литературы». «Другъ и товарищъ Горькаго»».

Г. Дьяченко рѣшается говорить о скудости современной литературы; иронически отзывается о Горькомъ, талантъ котораго давно признанъ русской и иностранной печатью. Я согласенъ, что г. Дьяченко можетъ не нравиться фабула его произведеній,—это еще понятно, но иронически отзываться о талантѣ, мнѣ кажется черезъ чуръ смѣлымъ.

Скудная литература! *) Очевидно, г. Дьяченко забылъ, что во главѣ ея стоитъ коричневый *всей* русской литературы гр. Л. Н. Толстой,—рядомъ съ которымъ нельзя поставить ни одного писателя; я по крайней мѣрѣ не рѣшаюсь

А Короленко, Чеховъ, Горькій, Андреевъ, Купринъ съ его «Поединкомъ» и «Штабсъ-Капитаномъ Рытниковымъ»,—развѣ они не представляютъ собою крупныя единицы современной русской литературы?

Развѣ «Слѣпой Музыкантъ» г. Короленко и его же «Сонъ Макара» и «Лѣсъ шумитъ», развѣ эти произведенія многимъ уступаютъ произведеніямъ нашихъ классиковъ?

Г. Дьяченко говоритъ, что Купринъ пишетъ ради дешеваго эффекта, ради мгновеннаго успѣха, въ ушербъ истинѣ. Странно и смѣшно! Авторъ, не сумѣвшій самъ уловить лжи въ произведеніяхъ г. Куприна, основываетъ свою голословность на такихъ авторитетахъ, какъ газета «Кіевлянинъ». Жаль, что г. Дьяченко не успѣлъ еще заглянуть въ «Моск. Вѣдомости», можетъ быть, онъ и тамъ нашелъ бы что нибудь авторитетное для своей критической замѣтки.

Я не знаю, какъ назвать слѣдующій вызовъ г-на Дьяченко:

«И дѣйствительно успѣхъ «Поединка» былъ сначала значительный, но не мною времени.... юдъ, два, и русская публика поняла свою ошибку».....

*) Я согласенъ, что современная литература находится не въ такомъ блестящемъ расцвѣтѣ, какъ въ 60-хъ годахъ, во времена русскихъ классиковъ, но отнюдь не согласенъ съ эпитетомъ г. Дьяченко «скудная».

Не черезъ—чуръ ли ужъ смѣло подобное заявленіе г. Дьяченко? Онъ говоритъ за всю русскую публику, не зная ея и ея взглядовъ на произведеніе Куприна, ибо отзывъ газеты «Кіевлянинъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть общимъ выразителемъ взглядовъ всего русскаго интеллигентнаго общества.

Авторитетный тонъ и пафосъ, съ которыми написана статья г. Дьяченко, право, смѣшны для ученика сред. учеб. заведенія.

Надо быть скромнѣе и не надо ставить себя въ центръ вселенной и превозносить свое «я» выше тѣхъ, которыхъ «я» уже признано интеллигентнымъ обществомъ.

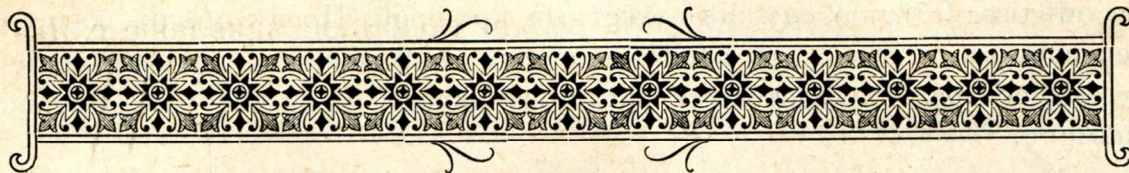
Также не могу пройти молчаніемъ беллетристическій отдѣлъ журнала „Кадетъ“. Онъ произвелъ на меня весьма симпатичное впечатлѣніе; всѣ стихотворенія, напечатанныя въ присланныхъ номерахъ—очень хороши, въ особенности стихотвореніе: «Я хочу умереть»... г. Л. Ш. и «Скажите мнѣ».. г. Немо. Также очень недурно стихотвореніе г-на П. З. — «Уголокъ», хотя по музыкальности слога оно значительно уступаетъ стихотворенію г. Л. Ш. Въ журналѣ еще помѣщена поэма въ стихахъ г. В. Чернявскаго: «Старая Исторія»; но такъ какъ она еще не окончена, то я затрудняюсь что-либо сказать про это произведеніе, могу только замѣтить, что пока слогъ не особенно красивъ и немного суховатъ.

Изъ беллетристики обращаетъ на себя вниманіе повѣсть г-на М. Рафтопуло «На курортѣ», но о ней я поговорю, когда она будетъ окончена, пока же скажу, что авторъ обладаетъ красивымъ языкомъ и умѣніемъ живо рисовать картинки обыденной жизни.

Разказы: «Случай» г-на В. и «Чемпіонъ» г-на Иксъ—очень недурны для кадетъ V-го класса.

Отрадно было встрѣтить на страницахъ кадетскаго журнала и статьи научнаго содержанія, какъ «Краткій очеркъ по исторіи архитектуры» г-на Корзуна и «Млечный путь и Вселенная» г-на Б. Жанколя, къ слову сказать, написанныя очень толково.

Хроника кадетской жизни.

Кадеты, остававшіеся въ корпусѣ на Рождественскія каникулы, провели время очень весело: 28 декабря въ корпусѣ состоялся танцевальный вечеръ, который, благодаря небольшому сравнительно числу гостей и праздничному настроенію кадетъ, прошелъ весьма оживленно. 3 января былъ устроенъ спектакль, въ которомъ приняли участіе корпусныя дамы; спектакль сошелъ удовлетворительно. Послѣ спектакля состоялись танцы. Танцевали до 4-хъ часовъ утра.

Кромѣ этихъ 2-хъ вечеровъ, бывшихъ въ корпусѣ, кадеты почти каждый день расходились на вечера къ знакомымъ и въ военное собраніе; довольно часто посѣщали городской театр. Въ общемъ Рождественскія каникулы почти для всѣхъ остававшихся въ корпусѣ кадетъ прошли какъ-то незамѣтно быстро, въ какомъ-то чаду.

27 января, вечеромъ въ корпусѣ для кадетъ 1-ой и 2-й ротъ была прочитана подполковникомъ Сумцовымъ лекція, посвященная памяти почившаго великаго русскаго химика Д. И. Менделѣева, съ разъясненіемъ его знаменитой таблицы „периодической системы элементовъ“.

3-го февраля, въ день 50-лѣтія смерти „отца русской музыки“ М. И. Глинки, въ корпусѣ вечеромъ состоялся концертъ, въ программу котораго входили лучшія произведенія этого великаго русскаго композитора. На концертъ присутствовали родные и знакомыя кадетъ. Предъ концертомъ подполковникъ Федоровъ сообщилъ біографію М. И. Глинки; сообщеніе иллюстрировалось свѣтовыми картинами. Концертъ прошелъ оживленно.

15 марта праздновалось 73-лѣтіе со дня основанія нашего корпуса. Наканунѣ, послѣ всенощной и панихиды въ церкви, въ 8 час. вечера для всѣхъ кадетъ состоялось сообщеніе подполковника Сумцова на тему: „Краткій очеркъ возникновенія Аракчеевскаго корпуса и жизнь корпуса въ первые годы его существованія“. Сообщеніе сопровождалось большимъ количествомъ свѣтовыхъ картинъ.

15-го же марта, въ 8¹/₂ час. утра кадеты отправились въ церковь

къ обѣднѣ. Обѣдню служилъ мѣстный архіерей. Послѣ обѣдни кадеты перешли въ манежъ, гдѣ послѣ молебна, отслуженнаго тѣмъ же архіереемъ, состоялся кадетскому баталіону парадъ съ выносомъ въ строй знамени.

По окончаніи парада кадеты вернулись въ корпусъ и сейчасъ же пошли на обѣдъ.

Первая рота обѣдала въ портретномъ залѣ вмѣстѣ съ начальствующими лицами корпуса и приглашенными гостями, между которыми были бывшіе питомцы нашего корпуса.

Во время обѣда играла музыка мѣстнаго резервнаго баталіона.

Первая здравица, произнесенная директоромъ корпуса въ честь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, была встрѣчена восторженными криками „ура“ и гимномъ „Боже, Царя Храни“, исполненнымъ оркестромъ.

Слѣдующія здравицы были въ честь АВГУСТѢЙШАГО Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА и Августѣйшаго его сына, кадета нашего корпуса, Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА, отъ которыхъ были получены телеграммы слѣдующаго содержанія:

„Отъ души поздравляю Аракчеевцевъ съ корпуснымъ праздникомъ и шлю всѣмъ, начиная съ директора и г.г. служащихъ и до самаго малаго кадета, искреннія пожеланія преуспѣянія въ службѣ и ученіи на пользу и славу Великому Государю и Родинѣ.

Константинъ“.

„Ваше Превосходительство и родной корпусъ сердечно поздравляю съ 73-й годовщиною; желаю славнаго процвѣтанія.

Однокашникъ -- Константинъ“.

На эти телеграммы корпусомъ были отправлены отвѣты такого содержанія:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Великому Князю КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

„Осчастливленные Высокомиловитымъ привѣтствіемъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА въ день 73-й годовщины корпуса, весьма признательные Аракчеевцы всѣ, до самаго малаго кадета, съ чувствомъ самой искренней и горячей любви благодарятъ своего Обожаемаго Главнаго Начальника за выраженные пожеланія“.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ Князю КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

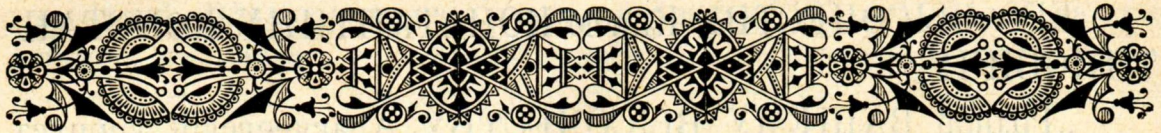
„Родной ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ Аракчеевскій корпусъ искренно благодарить за поздравленіе и шлетъ дорогому однокашнику свои наилучшія пожеланія“.

Множество другихъ телеграммъ полученныхъ корпусомъ отъ другихъ корпусовъ и бывшихъ питомцевъ, директоромъ не читались. Директоръ сообщилъ, что всѣ телеграммы будутъ отданы въ приказѣ.

По прочтеніи телеграммъ слѣдовали тосты за процвѣтаніе родного корпуса и много другихъ.

Послѣ обѣда кадеты были отпущены въ городской отпускъ. Вечеромъ состоялся концертъ, который, благодаря разнообразной программѣ и хорошему исполненію, прошелъ вполне удовлетворительно. На концертѣ присутствовало очень много родныхъ и знакомыхъ кадетъ.

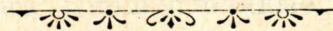

СПИСОКЪ

бывшихъ воспитанниковъ корпуса, убитыхъ и умершихъ
отъ ранъ въ Русско-Японскую войну 1904—1905 г.г.

(Въ хронологическомъ порядкѣ ихъ смерти).

1. Подпоручикъ 20-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Влади-
миръ Николаевичъ **Заевъ**.
2. Подпоручикъ 5-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Алексѣй
Дмитріевичъ **Меркульевъ**.
3. Командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи Генераль-
Маіоръ Леонтій Владиміровичъ **Мартсонъ**.
4. Поручикъ 137 пѣх. Нѣжинскаго полка Георгій Матвѣевичъ
Широкинскій.
5. Полковникъ 9-ой артиллерійской бригады Георгій Василье-
вичъ **Панпушко**.
6. Капитанъ 140-го пѣхотн. Зарайскаго полка Николай Ам-
вросіевичъ **Козелло**.
7. Подпоручикъ 26-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Борисъ
Владиміровичъ **Рафаловичъ**.
8. Подполковникъ 28-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Алек-
сандръ Сергѣевичъ **Глаголевъ**.
9. Подполковникъ 8-го стрѣлков. полка Михаилъ Васильевичъ
Косаговскій.
10. Поручикъ 98-го пѣхотн. Юрьевскаго полка Александръ Ва-
сильевичъ **Сильновъ**.
11. Капитанъ 36-го Восточно-Сибирскаго стр. полка Александръ
Евгенъевичъ **Протопоповъ**.
12. Капитанъ 7-го стрѣлковаго полка Александръ Гавриловичъ
Григорьевъ.

13. Подъесаулъ 4-й Забайкальской казачьей батареи Киръ Николаевичъ **Коптевъ**.

Списокъ составленъ на основаніи официальныхъ свѣдѣній, полученныхъ корпусомъ до 10 апрѣля 1907 г.

Въ виду трудности полученія точныхъ свѣдѣній объ убитыхъ или умершихъ отъ ранъ въ войну съ Японіей бывшихъ воспитанниковъ корпуса и потому возможныхъ въ списокѣ пропусковъ, редакция журнала, обращаясь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ возможность указать на пропускъ кого-либо въ списокѣ, убѣдительно проситъ прислать корпусу о томъ свои заявленія, сообщивъ по возможности, гдѣ и когда бывший воспитанникъ былъ убитъ или получилъ смертельную рану.

Такъ какъ въ стѣнахъ корпуса предположено въ скоромъ времени устроить витрину съ портретами указанныхъ питомцевъ корпуса, и портреты эти всѣ уже корпусомъ получены, то желательно при заявленіи о боевой смерти еще кого либо изъ питомцевъ получить и его фотографическую карточку для снятія копии и помѣщенія въ витрину.

Редакторъ **Л. Кравковъ**.

Помощ. редактора **В. Ранвидъ**.

Печатано съ разрѣшенія директора корпуса генераль-маіора **Жилинскаго**. Апрѣля 10-го дня 1907 года.

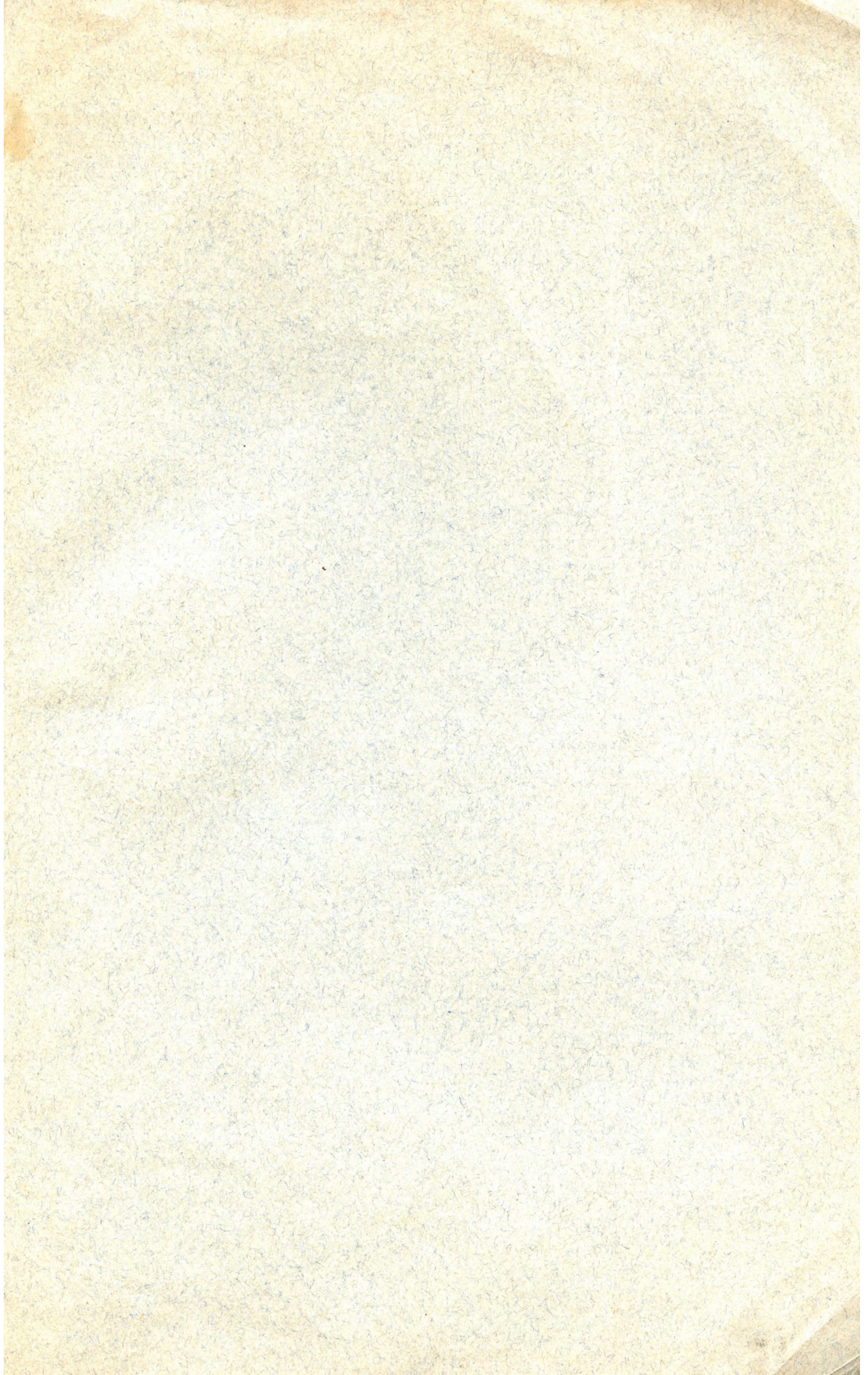
Тип. Тов. Труж. Печ. дѣла Нижн.-Новгородъ, Б.-Покровка, д. Колчина.

В. П. ПЕТРОВИЧЪ И П. П. ПЕТРОВИЧЪ

Въ настоящее время въ Кавказе
идетъ война, которая имѣетъ
важное значеніе для всего
Кавказа. Война эта ведется
между двумя племенами, между
которыми существовало
преждѣ. Война эта ведется
уже много времени, и
она имѣетъ важное
значеніе для всего
Кавказа. Война эта
ведется между двумя
племенами, между
которыми существовало
преждѣ. Война эта
ведется уже много
времени, и она имѣетъ
важное значеніе для
всего Кавказа.

Въ настоящее время въ Кавказе
идетъ война, которая имѣетъ
важное значеніе для всего
Кавказа. Война эта ведется
между двумя племенами, между
которыми существовало
преждѣ. Война эта ведется
уже много времени, и
она имѣетъ важное
значеніе для всего
Кавказа. Война эта
ведется между двумя
племенами, между
которыми существовало
преждѣ. Война эта
ведется уже много
времени, и она имѣетъ
важное значеніе для
всего Кавказа.

Заявленія о желаніи получить №№ журнала, а также деньги (можно почтовыми марками) должны быть направляемы по адресу: г. Нижній-Новгородъ, Кадетскій корпусъ, Секретарю Нижегородскаго отдѣла Общества вспомоцествованія нуждающимся аракчеевцамъ.

 Цѣна 20 к.

Весь сборъ отъ продажи №№ журнала полностью поступаетъ на усиленіе средствъ **НИЖЕГОРОДСКАГО ОТДѢЛА** Общества вспомоцествованія нуждающимся аракчеевцамъ.